Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Центр развития

Комментарии о Государстве и Бизнесе

102

23 сентября – 15 октября 2015 г.

Бюджетная политика в тупике

Комментарии	
Циклические индикаторы	Опережающий индекс: возможно замедление спада
Платежный баланс	Приток капитала – перелом негативной тенденции или возросшая неопределенность?
Бюджет	Бюджет на отдельно взятый 2016 год
Реальный сектор	Россия, БРИКС и противоречивая глобализация
Экономика в «картинках»	

Все мнения, высказанные в данном Обозрении, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с официальной позицией НИУ ВШЭ

Бюджетная политика в тупике

Процесс формирования однолетнего бюджета на 2016 год, который должен быть внесен в Государственную Думу 25 октября, как нельзя лучше высветил все аспекты кризиса, в котором пребывает российская бюджетная система. Нужно сказать, что, несмотря на продление сроков подготовки бюджета, ни одна из крупных проблем, требующих решения, так и не была решена, напротив, появились новые признаки деградации бюджетного процесса.

Первое, что следует отметить, анализируя новый бюджет, это увеличение его опоры на нефтегазовые поступления, даже несмотря на снижение их доли до 43% против 45% в бюджете на 2015 год. При этом опасения вызывает не столько сам факт повышения налоговой нагрузки на сырьевые компании (внутренние резервы у них еще есть), сколько отсутствие перспектив их замещения другими доходами (ожидаемый рост ненефтегазовых поступлений не превышает 4%). Несмотря на декларируемое намерение воспользоваться преимуществами низких цен на нефть для развития несырьевого сектора экономики, обсуждение проблем нефтянки в повестке дня превалирует. Каждый кратковременный эпизод повышения цен на нефть от уровня 50 долл./барр. порождает новую волну надежд на их скорое восстановление, которая затем вновь сменяется унынием.

Между тем низкие цены на нефть, металлы и промышленные товары на мировых рынках по-прежнему формируют негативную динамику российского экспорта, что уже привело по итогам третьего квартала к сокращению торгового баланса до 28 млрд долл. Такое низкое значение последний раз наблюдалось пять лет назад – в третьем квартале 2010 года. Начало поставок нефти Саудовской Аравией в Польшу, также как и недавнее открытие в польском городе Свиноуйсьце терминала СПГ, являются очевидными признаками усиления конкуренции за поставки углеводородов в Европу и сокращения зависимости европейских потребителей от российских энергоносителей. Указанные процессы увеличивают неопределенность не только относительно цен, но и относительно будущих объемов экспорта углеводородов. Увеличение в таких условиях опоры федерального бюджета на нефтегазовые поступления в долгосрочном плане большого смысла не имеет.

Вторая важная проблема бюджета-2016 в том, что, несмотря на ухудшение макропрогноза, номинальный рост расходов бюджета ограничить не удалось. Напротив, с учетом установления допустимого объема дефицита на уровне 3% ВВП, их номинальный уровень оказался выше заложенного в опубликованном летом проекте Основных направлений бюджетной политики.

Хотя последнее решение не угрожает краткосрочной стабильности бюджета (на исполнение обязательств 2016 года резервного фонда хватит), его дальнейшие перспективы стали еще менее определенными. Опыт определения объема расходов и дефицита бюджета «вручную» в 2015 и в 2016 гг. может оказаться заманчивым и в дальнейшем, подменив собою бюджетное правило, однако избежать скорого исчерпания резервов это не поможет, поскольку попытки реформирования наиболее затратных бюджетных сфер по-прежнему упираются «в стену».

Усилия Минфина, направленные на сокращение расходов на силовой блок (такие предложения были первоначально отражены и в ОНБП, и в предварительных версиях бюджета), не увенчались успехом. В отличие от других направлений расходов, эти практически не изменились в номинальном выражении (по сравнению с 2015 годом). Нужно сказать, что массированный рост оборонных расходов в 2015 году (на 25% г/г в номинальном выражении и почти на 8% в реальном выражении) практически не помог промышленному производству, которое

демонстрировало в течение года негативную динамику. По нашим оценкам, в 2014 году вклад промышленных отраслей, напрямую зависящих от бюджетного финансирования (в основном это оборонка и закупки РЖД) обеспечил 1,1 п.п. из 1,7 п.п. роста промышленного производства по итогам года. За первые восемь месяцев текущего года вклад тех же секторов в динамику промышленности был отрицательным и составил минус 0,6 п.п. при суммарном падении промышленности за январь-август на 3,2% год к году. Ни о каком значимом мультипликативном эффекте пока говорить не приходится.

Несмотря на некоторое повышение суммарной доли расходов на социальный блок, бюджет 2016 года нельзя назвать «социальным» с точки зрения заботы о развитии социальной сферы. Основные изменения в части пенсий свелись к сокращению масштабов обещанной индексации (до 4%, что означает реальное сокращение пенсий на 3–4%) и очередной заморозке накопительной части. То, что перезревшие реформы в этой сфере были в очередной раз отвергнуты, означает, что даже видимый кризис доходов (темпы роста зарплат, с которых в основном уплачиваются пенсионные взносы, упали до тех же 4%) не побуждает решать проблемы, выходящие за рамки одного года.

Еще в большей степени отход от «социального» характера бюджета проявился в динамике расходов на образование, здравоохранение и науку, сокращение которых в номинальном выражении закладывается в бюджет уже не первый год и приняло системный характер. В летней версии ОНБП была предпринята попытка если не увеличить, то хотя бы стабилизировать эти расходы в номинальном выражении. Но по итогам дальнейшего рассмотрения параметров эта часть «бюджетного маневра» также не удалась. «Принципиальная» позиция по силовому блоку и пенсиям не оставляет расходам на человеческий капитал никаких шансов.

Не первый год ухудшает качество бюджета и рост доли секретных и непрозрачных расходов. Если в 2013–2015 гг. это происходило за счет опережающего увеличения затрат на силовой блок, то в бюджете 2016 года добавились дополнительные резервы на поддержку отраслей, социальную поддержку населения и гуманитарную помощь жителям других государств. Очевидно, что распределение этих средств предполагается осуществлять в ручном режиме. Третьим направлением, которое может существенно ухудшить прозрачность расходования бюджетных средств, является уже согласованное правительством предложение о засекречивании госзакупок силовых ведомств, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Общий объем пока еще открытых госзакупок только по линии МВД в 2015 году согласно уточненной бюджетной росписи составит 114 млрд руб. На фоне принятия подобных решений, перспективы новой административной реформы, проект которой будет рассматриваться в ближайшее время, пока не внушают оптимизма. Изменит ли ситуацию 2016 год?

Наталья Акиндинова

Комментарии

Циклические индикаторы

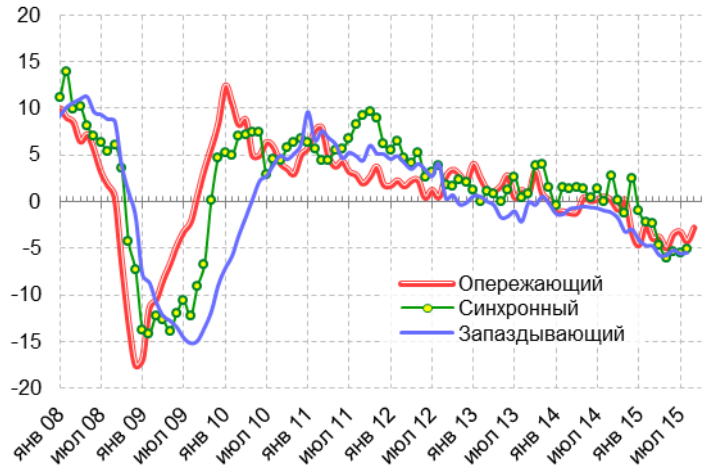
1. Опережающий индекс: возможно замедление спада

В сентябре 2015 г. Сводный опережающий индекс (СОИ)[1] десятый месяц подряд оказался в отрицательной области (-2,8%), но по сравнению с предыдущим месяцем ситуация немного улучшилась.

В сентябре по-прежнему главными негативными факторами для СОИ были динамика нефтяных цен, фондовых индексов и денежной массы. Единственный существенный позитивный фактор – новая волна ослабления реального эффективного курса рубля. В отличие от нескольких предыдущих месяцев ситуация со внутренним спросом оказалась не слишком удручающей: вклад закупок сырья в промышленности оказался хотя и отрицательным, но по своей величине незначительным, а вклад такого важного индикатора спроса, как динамика новых заказов, и вовсе положительным, хотя по величине также небольшим. В итоге, значение СОИ осталось в отрицательной области, но темпы его падения снизились. В принципе, за этим может последовать замедление темпов спада (но все-таки пока спада!) в реальном секторе. **Переход к росту российской экономики в ближайшие месяцы пока выглядит маловероятным.**

Сергей Смирнов

Рис. 1.1. Динамика сводных циклических индексов (прирост за год), в %



Источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[1] В качестве компонент СОИ используются индексы New Orders и Quantity of Purchases для обрабатывающей промышленности (MarkitEconomics). Цены на московскую недвижимость: данные Аналитического центра «Индикаторы рынка недвижимости IRN.RU».

Платежный баланс

2. Приток капитала – перелом негативной тенденции или возросшая неопределенность?

В третьем квартале текущего года, согласно оценке Банка России, впервые за пять лет сформировался чистый приток капитала частного сектора в размере 5 млрд долл. При этом анализ платежного баланса вызывает больше вопросов, чем ответов.

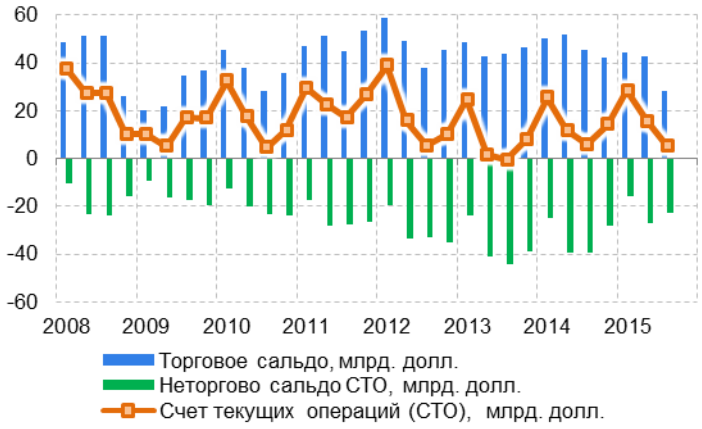
Меньше всего вопросов относительно счета текущих операций (СТО). Снижение нефтяных цен до 50 долл./барр. в среднем за третий квартал (до минимального уровня с 2009 г.) и снижение цен на металлы и промышленные товары в мире формируют в целом негативную динамику российского экспорта. В результате годовые темпы падения экспорта оказались впервые с момента нынешнего кризиса выше, чем в импорте. Как следствие, торговый баланс сократился до 28 млрд долл. (рис. 2.1), более чем в полтора раза относительно предыдущих кварталов, практически сравнявшись с дефицитом по остальным статьям СТО. В очередной раз профицит СТО вплотную приблизился к нулевой отметке, составив всего 5 млрд долл. за третий квартал.

Основной вопрос – какую позицию займут инвесторы, глядя на то, как тает запас прочности платежного баланса? В последние пять лет сжатие профицита СТО в третьем квартале приводило к последующему усилению чистого оттока капитала частного сектора – либо сразу, либо кварталом позже (рис. 2.2). Или с нынешним притоком капитала ситуация изменилась?

Для этого необходимо ответить на другой вопрос – насколько устойчив чистый приток капитала в третьем квартале?

Приток капитала обеспечили совместными усилиями реальный сектор (2 млрд долл.) и население (4 млрд долл.). Предприятия в третьем квартале текущего года не смогли нарастить обязательства перед нерезидентами, как это случилось

Рис. 2.1. Динамика счета текущих операций, млрд долл.



Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 2.2. Динамика чистого притока(+)/оттока(-) капитала частного сектора, млрд долл.

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

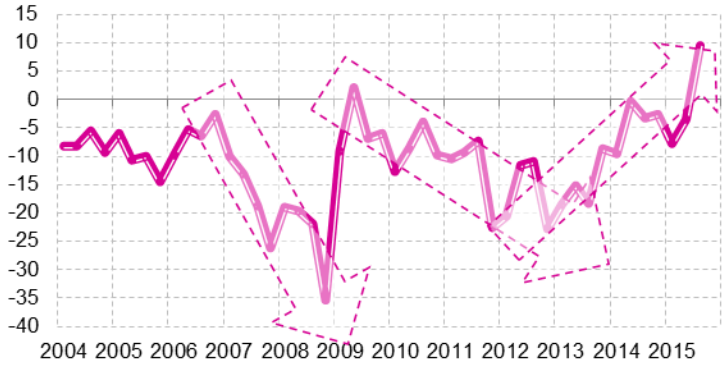
кварталом ранее. Проблема рефинансирования внешнего долга по-прежнему актуальна. Впрочем, как и приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что более важно. С третьего квартала 2014 г. объем притока ПИИ в страну ничтожно мал: прямые иностранные инвесторы возвращают ранее выданные российским компаниям кредиты в больших объёмах, чем предоставляют новые. Участие в капитале в разы меньше докризисных уровней.

Тем не менее, реальный сектор оказался чистым импортером капитала – в основном благодаря возврату «беглого» капитала в объеме 10 млрд долл. (рис. 2.3). Последняя фраза даже непривычна для написания – до сих пор речь шла о «бегстве» или «сером оттоке» капитала (сумма трех статей платежного баланса – сомнительные сделки, прочие активы, чистые ошибки и пропуски, к которым иногда добавляют торговые кредиты и авансы). Лишь однажды, во втором квартале 2009 г., имел место возврат этого капитала в страну, да и то чисто в символических объемах 2 млрд долл. Неужели теневой бизнес вышел на свет?

Происходит это в основном за счет положительного сальдо чистых ошибок и пропусков. Только за третий квартал текущего года предприятия вернули 7 млрд долл., а за полтора года – почти 19 млрд долл. или чуть более 10% неучтенного Банком России и выведенного из страны капитала с 1994 г. В чем причина столь необычного явления: боязнь западных санкций или успехи наших силовых ведомств в борьбе с теневым бизнесом? Или может рублевой ликвидности стало мало и стали продавать валютные активы (актуально для населения)? Короче, вопросов стало больше, чем ответов.

Сергей Пухов

Рис. 2.3. Динамика «бегства» капитала, млрд долл.



Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Бюджет

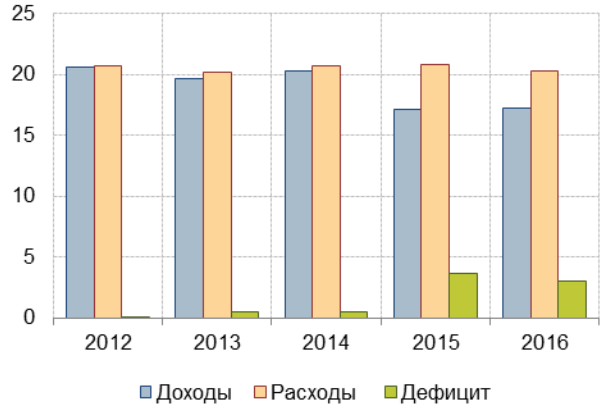
3. Бюджет на отдельно взятый 2016 год

Министерство финансов обнародовало проект федерального бюджета на 2016 год. Доходы бюджета рассчитаны на основе консервативного макропрогноза. Общий объем расходов, как и в 2015 году, определен непосредственно Президентом России, в соответствии с его указанием дефицит не должен был превысить 3% ВВП. Если такая практика продолжится и дальше, можно будет говорить о введении «нового бюджетного правила».

Основной проблемой российского федерального бюджета в настоящее время является приведение в соответствие доходов и расходов бюджета в условиях резкого падения цен на нефть. Проект бюджета на 2016 год показывает, что решение этой проблемы отложено на последующие годы, несмотря на то, что согласно прогнозным расчетам, уже в 2017 году ресурсы Резервного фонда иссякнут, и придется либо использовать средства Фонда национального благосостояния для финансирования бюджетного дефицита, либо вновь сокращать какие-то виды расходов. Из данных рисунка 3.1 следует, что уровень доходов федерального бюджета относительно ВВП в 2015 и 2016 году по сравнению с 2014 годом падает на 3 процентных пункта (до 17,2%), снизить же уровень расходов относительно ВВП практически не удается.

Другой важной проблемой является изменение расходных приоритетов федерального бюджета за последние несколько лет.

Рис. 3.1. Доходы, расходы и дефицит федерального бюджета, % ВВП



Источник: Минфин России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Таблица. 3.1. Структура расходов федерального бюджета, %

	2012	2013	2014	2015 (план)	2016 (проект бюджета)
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Общегосударственные вопросы	6,3	6,4	6,3	7,0	6,7
Силовой блок, в т.ч.	28,4	31,2	30,8	33,3	33,0
Национальная оборона	14,1	15,8	16,7	20,1	
Национальная безопасность	14,3	15,5	14,1	13,2	
Национальная экономика	15,3	13,9	13,9	14,0	15,9
ЖКХ	1,8	1,3	0,8	0,8	0,5
Охрана окружающей среды	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4
Образование	4,7	5,0	4,3	3,9	3,5
Культура	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6
Здравоохранение	4,8	3,8	3,6	3,3	2,9
Социальная политика	29,9	28,7	23,3	27,2	27,9
Физкультура и спорт	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5
СМИ	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5
Обслуживание долга	2,5	2,7	2,8	3,8	4,1
Межбюджетные трансферты	4,6	5,0	5,5	3,9	4,2

Источник: Минфин России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Примечание: данные за 2014 год по расходам в целом и расходам по разделу «Национальная экономика» взяты без учета расходов на ОФЗ в размере 1 трлн руб. В расчетах на 2016 год предполагалась, что вся закрытая часть расходов приходится на разделы Национальная оборона и Национальная безопасность.

Если обсуждать изменение структуры расходов федерального бюджета за период с относительно благополучного 2012 года по 2016 год (см. таблицу 3.1), можно отметить существенное увеличение доли расходов на национальную оборону и национальную безопасность с 28,4% до 33%. Несмотря на постоянные

декларации о сокращении численности государственных служащих, доля расходов на управление за рассматриваемый период практически не сокращается. Долю расходов на социальную политику удалось сократить в 2014 году за счет «заморозки» накопительной части пенсий. Но в 2015–2016 году, несмотря на это, доля социальных расходов вновь полезла вверх. Индексация пенсий в соответствии с инфляцией в 2015 году увеличила долю социальных расходов по сравнению с 2014 годом на 4 п.п. В соответствии с проектом федерального бюджета на 2016 год, доля социальных расходов (прежде всего на трансферт Пенсионному фонду) продолжит расти, несмотря на предполагаемую экономию за счет индексации страховых пенсий по т.н. целевой инфляции.

Особенностью проекта бюджета на 2016 год является резкое увеличение доли расходов на национальную экономику – почти на 2 п.п. Что конкретно Правительство России собирается поддерживать в 2016 году? В таблице 3.2 представлена структура расходов федерального бюджета по разделу «Национальная экономика». Комментировать изменение структуры в целом мы не возьмёмся. Похоже, решения в этой сфере принимаются по принципу ad hoc. Отметим увеличение в 6 раз (!) расходов по подразделам “Общеэкономические вопросы” и “Исследование и использование космического пространства” и двукратное сокращение расходов на прикладные научные исследования. Увеличение расходов по подразделу «Общеэкономические вопросы» обусловлено включением в него сразу двух резервных фондов – на 120 млрд руб. и на 342 млрд руб. Средства первого из этих фондов, в соответствии с проектом закона о федеральном бюджете, должны пойти «на реализацию дополнительных мер по поддержке отраслей экономики, социальной поддержке граждан и оказанию гуманитарной помощи населению иностранных государств, по решениям Правительства Российской Федерации», второго – просто на реализацию решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. В общем, средства выделены, но куда будут направлены, сообщат позже. Возможно, расходы будут осуществлены

Таблица. 3.2. Структура расходов федерального бюджета по разделу «Национальная экономика», %

	2015	2016
Национальная экономика	**100**	**100**
Общеэкономические вопросы	3,3	19,3
Топливно-энергетический комплекс	2,3	1,2
Исследование и использование космического пространства	1,3	6,9
Воспроизводство минерально-сырьевой базы	1,5	1,4
Сельское хозяйство и рыболовство	9,2	5,9
Водное хозяйство	0,9	0,8
Лесное хозяйство	1,4	1,2
Транспорт	13,8	12,3
Дорожное хозяйство (дорожные фонды)	27,9	27,4
Связь и информатика	1,3	1,3
Прикладные научные исследования в области национальной экономики	11,6	5,4
Другие вопросы в области национальной экономики	25,5	17,0

Источник: Минфин России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

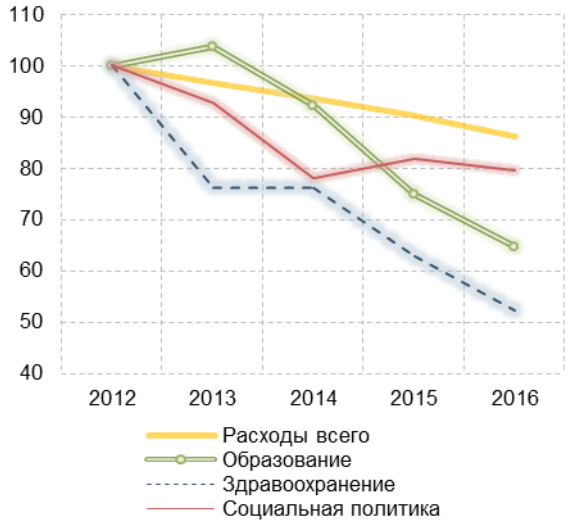
вовсе и не в рамках раздела «Национальная экономика», приведенные формулировки вполне это допускают. Интересно, как отнесутся депутаты к загадочной структуре расходов? Вероятно, с пониманием.

Какие дополнительные резервы для повышения расходов на национальную экономику, оборону, социальную политику были использованы? Это расходы на образование и здравоохранение. Первые по сравнению с 2015 годом сокращаются на 7%, вторые – на 11%. В неизменных ценах за последние 4 года это сокращение выглядит устрашающе (см. рис. 3.2). По сравнению с 2012 годом сокращение расходов на образование в 2016 году составит 36%, на здравоохранение – почти 50%. Если эти тенденции развивать дальше, и учесть также далеко не радужное состояние региональных бюджетов и внебюджетных фондов, через несколько лет граждане России будут самостоятельно оплачивать расходы на высшее образование, а заодно и на здравоохранение. Впрочем, если верить данным Всемирного Банка, уже в 2013 году в России из бюджета оплачивалось только 48% расходов на здравоохранение.

В заключение вернемся к первоначальному тезису. Возможности сводить федеральный бюджет с 3%-ным дефицитом не будет уже в 2017 году, если не использовать средства ФНБ и не печатать деньги. Это означает, что от вопроса о приоритетах бюджетных расходов снова уйти не удастся. Направлений для сокращения расходов не так много – это расходы на управление, силовой блок, экономику, человеческий капитал, социальную политику и на регионы.

Андрей Чернявский

Рис. 3.2. Динамика общего объема расходов, расходов на образование, здравоохранение, социальных расходов в неизменных ценах (2012 год =100%)



Источник: Минфин России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Реальный сектор

4. Россия, БРИКС и противоречивая глобализация

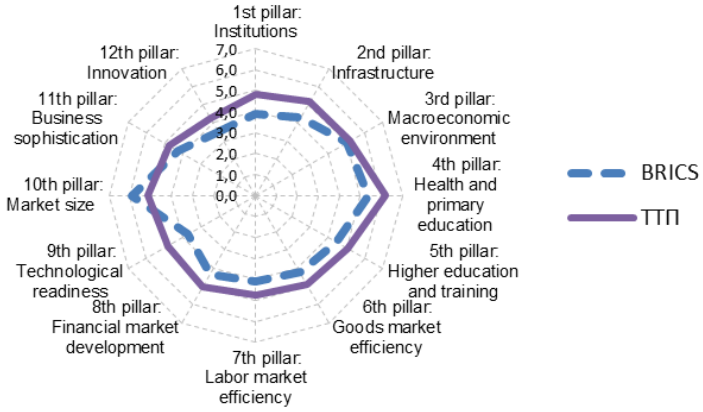
Недавнее создание Транс-тихоокеанского партнерства (ТТП) под эгидой США (но без Китая) на фоне планов создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства между США и ЕС ставит вопрос о способности стран БРИКС вовлечь Евросоюз в свой внешнеторговый проект (или самим войти в орбиту влияния ЕС). Новый рейтинг конкурентоспособности стран мира, составленный ВЭФ, показывает, что страны БРИКС пока серьезно уступают 12 членам ТТП по большинству «оснований конкурентоспособности». Теоретически они могут «бороться за Европу» лишь при проведении масштабных структурных реформ. На позицию России в следующем рейтинге ВЭФ может повлиять ряд как негативных, так и позитивных факторов, что требует соответствующей подстройки экономической политики.

В условиях спада цен на нефть и необходимости диверсифицировать свою экономику Россия находится в поисках своего места и роли в международных экономических ассоциациях, конфигурация которых в последнее время заметно меняется. Важнейшее экономическое событие последних недель – подписание соглашения о Транс-тихоокеанском партнерстве (далее ТТП), созданного под эгидой США и направленного на формирование зоны свободной торговли по обе стороны Тихого океана. В ТТП сейчас вошли США и еще одиннадцать стран: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили и Япония. Некоторыми экспертами эта ассоциация рассматривается как альтернатива пока нереализованному китайскому тихоокеанскому проекту Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (далее РВЭП). Это заставляет вспомнить недавние доклады Всемирного экономического форума (далее ВЭФ), где наряду со сценариями,

предусматривающими углубление глобализации, учитывались и возможности распада мировой экономики на своего рода экономические анклавы или «острова». Такого рода **сценарии, описывавшие возможность частичной деглобализации мирового хозяйства, генерировались экспертами этой авторитетной организации на фоне проблем в финансовом секторе США и наступавшего мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.**[2] **Сейчас учет такого рода экстремальных сценариев вновь обретает некоторую актуальность.** Это связано с тем, что на фоне идущих переговоров между США и ЕС о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), а также недовольства некоторой части европейцев (могущих пострадать из-за конкуренции с заокеанскими товарами) его созданием, возникает вопрос о возможной конкуренции между ТТП во главе с США с одной стороны и БРИКС во главе с Китаем – с другой, за новые и преференциальные экономические отношения с Европой или с какой-то ее частью. Ведь помимо прочего нельзя забывать и об определенных трениях внутри ЕС между 18 членами еврозоны и 9 не членами, включая Великобританию, которая помимо прочего недовольна и наличием тенденций к созданию из ЕС нового сверхгосударства, что грозит ей потерей части экономической самостоятельности.

Почему создание ТТП как нового интеграционного образования заставляет вспомнить сценарии о распаде мировой экономики на экономические анклавы? Казалось бы, должно быть наоборот? Да, тренд к глобализации по-прежнему превалирует и сценарий деглобализации (даже частичной), конечно, выглядит фантастическим, но полностью исключить его нельзя. Во-первых, трудно представить, что Китай войдет в ТТП, которое в определенном смысле создается как противовес его влиянию в тихоокеанском регионе, прежде всего проекту РВЭП. Во-вторых, более быстрое создание ТТП, чем РВЭП, может придать дополнительный импульс усилению интеграционных процессов в рамках БРИКС. В-третьих, известно, что экономикам стран БРИКС требуется всесторонняя

Рис. 4.1. Оценка развитости «оснований конкурентоспособности в ТПП и БРИКС по данным ВЭФ, оценка по шкале от 1 до 7



Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2014–2015, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[2] Technology and Innovation in Financial Services: Scenarios to 2020, WEF, 2007.

модернизация, а с технологической точки зрения, а также с точки зрения инновационного потенциала, Европа в большей степени дополняет экономики БРИКС, нежели экономику США или ТТП в целом (напомним, в ТТП входят технологически высокоразвитые Япония, Канада, Австралия и Новая Зеландия). **Реальна ли в связи с этим конкуренция между ТТП и БРИКС за включение Европы в свой внешнеторговый проект, то есть своего рода новое «похищение Европы» одним из этих игроков?**

С точки зрения размеров экономик, силы ТТП и БРИКС вполне сопоставимы. Суммарный объем ВВП по ППС, по данным за 2013 г., составляет соответственно около 24 и 28 трлн долл.[3] (табл. 4.1). При этом в обоих блоках есть «экономика-тяжеловес» (США и Китай), составляющая по объему экономики около 60% совокупного выпуска. Экономики блоков близки по усредненному показателю бюджетного дефицита (в районе 3%) и доле сбережений в ВВП (25–30%). При этом, хотя среднегодовая инфляция в странах БРИКС почти в три выше, чем в ТТП (6,2% и 2,3% соответственно), однако долги федеральных правительств относительно ВВП в БРИКС значительно ниже (43% против 72%)[4].

Нельзя не отметить, что **экономики стран ТТП значительно более открыты для внешней торговли, чем экономики стран БРИКС** (доля экспорта и импорта в ВВП составляет у них примерно по 49% и 25%, соответственно), а импортные пошлины у первых значительно ниже – 3,5% и 10% соответственно. Но это означает также, что страны БРИКС имеют значительные резервы для углубления участия в международном разделении труда, причем для этого зачастую будет достаточно просто снизить пошлины, даже не занимаясь более трудной работой по снижению нетарифных торговых и прочих ограничений (чем, видимо, и предстоит заниматься странам, вошедшим в ТТП).

[3] Эти данные использовались в вышедшем в октябре 2015г. страновом рейтинге конкурентоспособности ВЭФ.
[4] При этом у США этот показатель составляет около 105%.

Таблица 4.1. Макроэкономические и институциональные характеристики БРИКС, ТТП и его участников по данным нового рейтинга ВЭФ

	БРИКС			ТТП	
	в среднем	Китай	Россия	в среднем	США
ВВП по ППС, млрд долл. США	24 041	13 395	2 556	27 917	16 800
Баланс государственного бюджета, % от ВВП	-3,6	-1,9	-1,3	-2,8	-7,3
Валовые национальные накопления, % от ВВП	27,2	50	25,3	24,9	17,2
Инфляция, среднегодовая, %	6,2	2,6	6,8	2,3	1,5
Государственный долг, % от ВВП	42,8	22,4	13,4	72,4	104,5
Экспорт, % от ВВП	24,5	26,3	27,8	49,4	13,3
Импорт, % от ВВП	26,8	24,8	22,1	49,3	16,4
Количество процедур, необходимых для открытия бизнеса	10	13	7	4,8	6
Количество дней, необходимых для открытия бизнеса	40,3	33	15	10,4	5
Торговые тарифы, % от государственного долга	10,1	11,1	9,5	3,5	1,3
Доля населения, использующего Интернет, %	44,6	45,8	61,4	68,6	84,2
Международные патенты, штук на млн чел.	6	11,7	7,1	76,5	149,8
Глобальный индекс конкурентоспособности, оценка по шкале от 1 до 7 (value)	**4,4**	**4,9**	**4,4**	**5**	**5,5**
Глобальный индекс конкурентоспособности, место страны в рейтинге (rank)	**53**	**28**	**53**	**28,4**	**3**

* - Б ез учета Брунея.

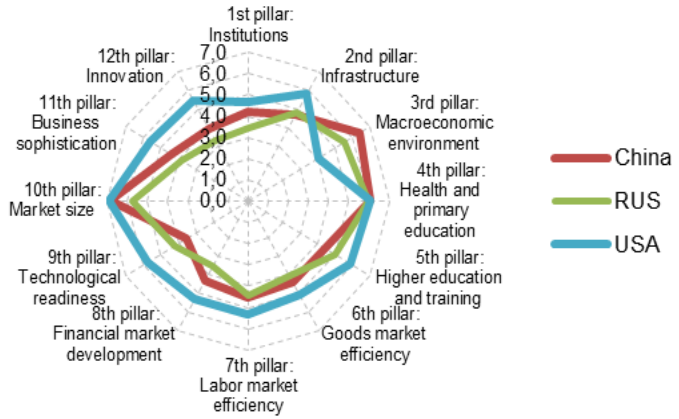
Источник: The Global Competitiveness Report, WEF (или ВЭФ по-русски), 2014–2015.

Из рейтинга ВЭФ видны и **огромные проблемы стран БРИКС по сравнению со странами ТТП в деле привлечения капитала и стимулирования частных инвестиций**, прежде всего, в сфере малого и среднего бизнеса. Для начала нового бизнеса в странах БРИКС требуется осуществить в два раза больше бюрократических процедур и потратить в 4 (!) раза больше времени, чем в странах ТТП. Очень плохо дело и с международно признанными патентами (в рамках международного Договора о патентной кооперации[5]). Их в БРИКС регистрируется в 10 раз меньше (табл. 4.2).

В целом, **с точки зрения рейтинга конкурентоспособности** ВЭФ, **страны БРИКС уступают странам ТТП по 10 из 12 «оснований конкурентоспособности»** (рис. 4.1). Лишь немногим лучше положение Китая и России относительно экономики США. Они уступают заокеанским партнерам по 9 направлениям, кроме размеров рынка, макроэкономических индикаторов и уровня здоровья и первичного (начального и среднего) образования (рис. 4.2). Означает ли это, что миссия «похищения Европы» у ТТП невыполнима?

Наверное, все-таки, теоретически выполнима. Во-первых, отдельные страны БРИКС значительно превосходят некоторых участников ТТП по размеру рынка (рис. 4.1), а это означает возможность экономии на масштабах производства даже при относительной автаркии от остальных блоков или островов мировой экономики (которая возможна в сценарии нарастании процессов деглобализации). Во-вторых, судя по рейтингу ВЭФ, они не уступают странам ТТП по макроэкономическим показателям, что является базисом для роста конкурентоспособности в целом. При этом, однако, странам БРИКС нужен комплементарный партнер, более развитый в технологическом плане, как например, ЕС в целом или 9 стран ЕС, не вошедших в зону евро во главе с Великобританией.

Рис. 4.2. Оценка развитости «оснований конкурентоспособности» в Китае, России и США по данным ВЭФ, оценка по шкале от 1 до 7



Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2014–2015, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[5] Patent Cooperation Treaty, или PCT.

Таблица 4.2. Факторы, затрудняющие ведение бизнеса в странах БРИКС и в США, в % от опрошенных (отсортировано по столбцу БРИКС в среднем)

	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Южная Африка	БРИКС в среднем	США
Коррупция	8,8	14,3	8,0	12,4	11,0	10,9	2,0
Неэффективный правительственный аппарат; бюрократия	12,8	8,2	7,6	6,6	14,8	10,0	14,7
Жёсткое трудовое законодательство	15,0	3,6	6,5	4,9	19,8	10,0	8,1
Плохой уровень развитости ииинфраструктуры	15,0	4,6	8,1	8,4	9,8	9,2	2,7
Налоговая политика	18,2	10,8	4,5	9,1	1,5	8,8	16,7
Доступ к финансированию	3,4	11,7	10,2	15,8	2,2	8,7	9,1
Ставки налогов	13,5	12,3	8,7	6,0	1,0	8,3	17,0
Неквалифицированная рабочая сила	6,1	7,3	6,3	4,0	16,9	8,1	7,8
Политическая нестабильность	2,4	2,8	4,8	6,3	7,4	4,7	4,1
Инфляция	1,4	7,6	4,5	6,4	1,5	4,3	4,0
Отсутствие трудовой этики у рабочей силы	0,8	4,8	4,7	3,6	5,2	3,8	7,9
Колебания зарубежных валют	0,6	2,2	8,4	4,8	2,1	3,6	0,9
Отсутствие возможности внедрения инноваций	1,1	4,0	3,8	5,0	3,0	3,4	2,4
Нестабильно работающее правительство, возможность государственного переворота	0,0	2,0	6,4	4,0	0,2	2,5	0,7
Преступность, воровство	0,8	2,8	4,6	1,8	2,5	2,5	1,2
Недостаточный уровень здравоохранения	0,1	1,0	2,8	1,0	1,2	1,2	0,7

Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2014–2015.

До сих пор мы говорили о сопоставлении стран с точки зрения данных объективной статистики, не касаясь опросных данных, которые преобладают в рейтинге ВЭФ. Все же затронем и опросы. Что, по мнению опрашиваемых ВЭФ респондентов, создаёт препятствия для развития их бизнеса в странах БРИКС,

которые в последнем рейтинге ВЭФ в среднем занимают 53 место при том, что США занимает 3 место, а страны ТТП в среднем занимают 28 место, как и Китай)? В таблице 4.2 приведены результаты опросов для стран BRICS, а также для США, по факторам, затрудняющим ведение бизнеса в этих странах. В таблице дан процент опрошенных, указавших на эти факторы как препятствия для ведения бизнеса.

Мы видим, что **предприниматели стран БРИКС в большинстве своём считают основным сдерживающим фактором для ведения их бизнеса коррупцию**. Их американские коллеги, напротив, практически не берут её в расчёт. Также для них практически не существует такой проблемы, как низкое качество инфраструктуры, а вот бизнесмены из БРИКС весьма им недовольны. В то же время, для последних гораздо меньшее значение имеет вопрос трудовой этики.

В остальном между оценками предпринимателей из стран БРИКС и США много общего. Так, они солидарны в отношении негативных последствий неэффективных действий правительства. И те, и другие критикуют налоговую политику своих государств (исключением тут можно считать Южную Африку – известно, что она оперирует самой простой налоговой системой из всех стран БРИКС). Такие факторы, как преступность, недостаточные возможности для инноваций и пр. признаются в качестве опасных для их бизнеса и с той, и с другой стороны меньшинством предпринимателей. Одним словом, те или иные подводные камни ждут желающего открыть свой бизнес вне зависимости от того, планирует он сделать ставку на историческую стабильность США или на потенциальные перспективы экономик стран BRICS.

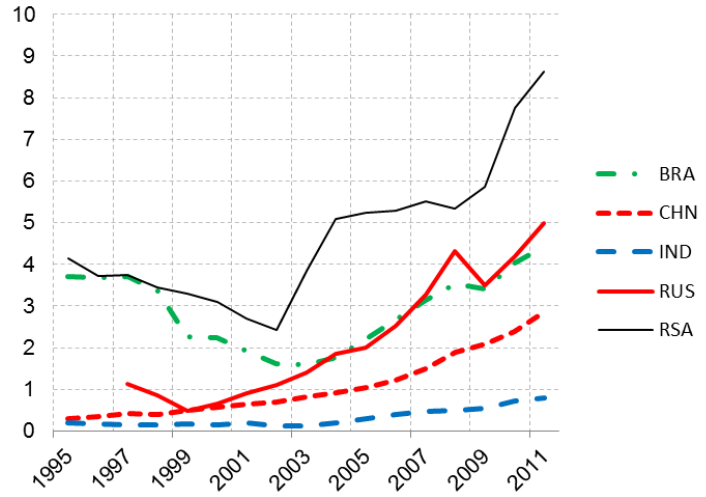
Если обратиться к России, то камнем преткновения для нее является, несомненно, коррупция, высокие налоговые ставки для бизнеса (возможно, что сюда включен и коррупционный налог) и налоговое регулирование (читай – налоговое администрирование и перманентный пересмотр налогов), а также низкая доступность финансирования (читай – слабость банков и финансовой инфраструктуры в целом, а также высокая инфляция, заложенная в процентные ставки по кредитам). Учитывая, что новый рейтинг ВЭФ составлялся по данным

2013 г., актуальность выводов может быть подвергнута сомнению, а в рейтинге за следующие годы позиции России могут серьезно измениться.

В чем-то показатели России в новом рейтинге ВЭФ могут стать хуже, как в связи с падением номинального ВВП на душу населения в валютном выражении, так и в связи с ухудшением показателей внешней торговли, макроэкономического состояния, притока капитала, рейтингов и опросных оценок, которые могут быть ненамеренно искажены в ходе пропагандистских баталий на фоне роста геополитической напряженности.

В чем-то показатели России в новом рейтинге ВЭФ могут стать и лучше. Так, уровень почасовой заработной платы в валютном выражении, который еще несколько лет назад в России, судя по данным IMD, был на уровне бразильского (около 5 долл./час) и значительно превышал китайский (около 3 долл./час), не говоря уже о среднеиндийском (около 1 долл./час) (рис. 4.3), после прошедшей двукратной девальвации рубля может оказаться на уровне китайского. Потенциально (если будут созданы условия) это способно стимулировать перенос в Россию некоторых «цехов мировой фабрики» из Поднебесной. Особенно если учесть, что Россия сейчас – это страна самых дешевых в валютном выражении электроэнергии и газа для промышленных потребителей (по крайней мере, среди крупных экономик).

Рис. 4.3. Заработная плата в обрабатывающей промышленности стран БРИКС, по данным IMD, долларов в час



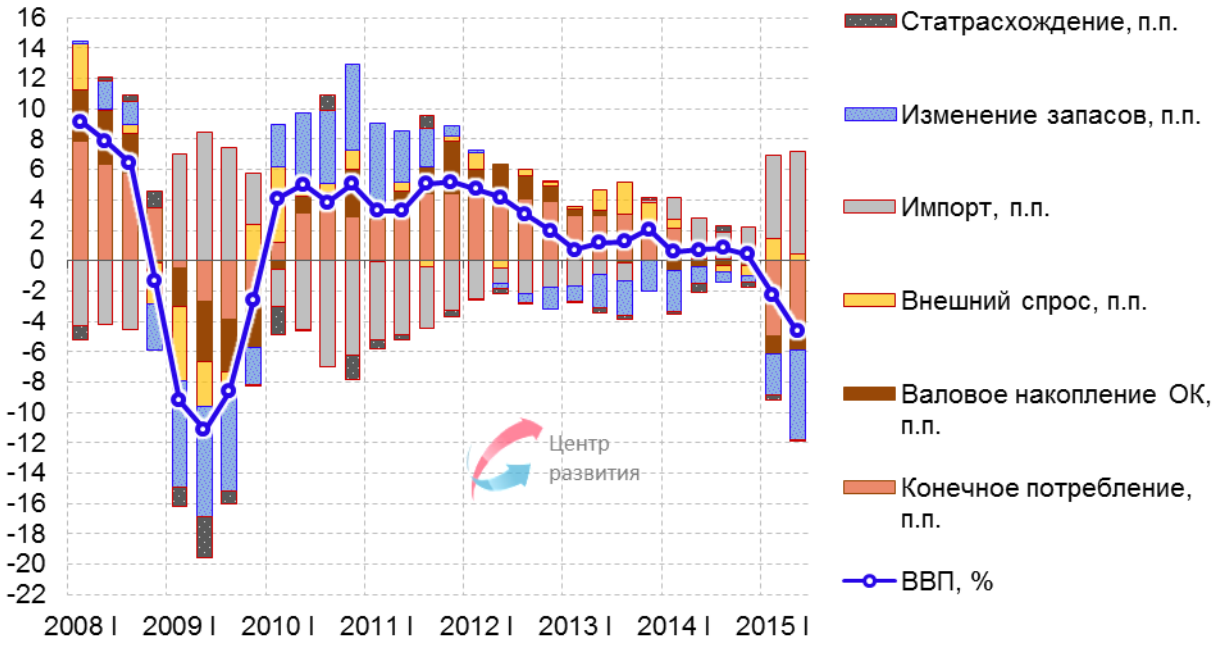
Источник: IMD (рейтинг 2013 г.).

Валерий Миронов, Алексей Кузнецов

Экономика в «картинках»

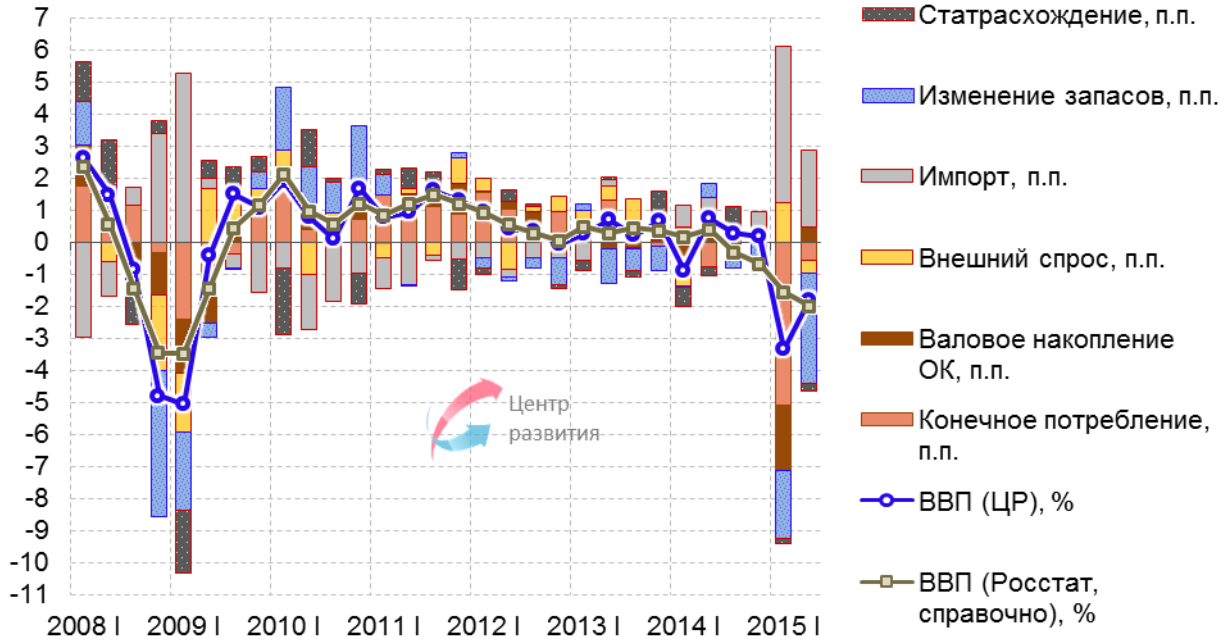
Динамика ВВП и вклад в неё составляющих по виду спроса (прирост к соответствующему кварталу предыдущего года)

NEW



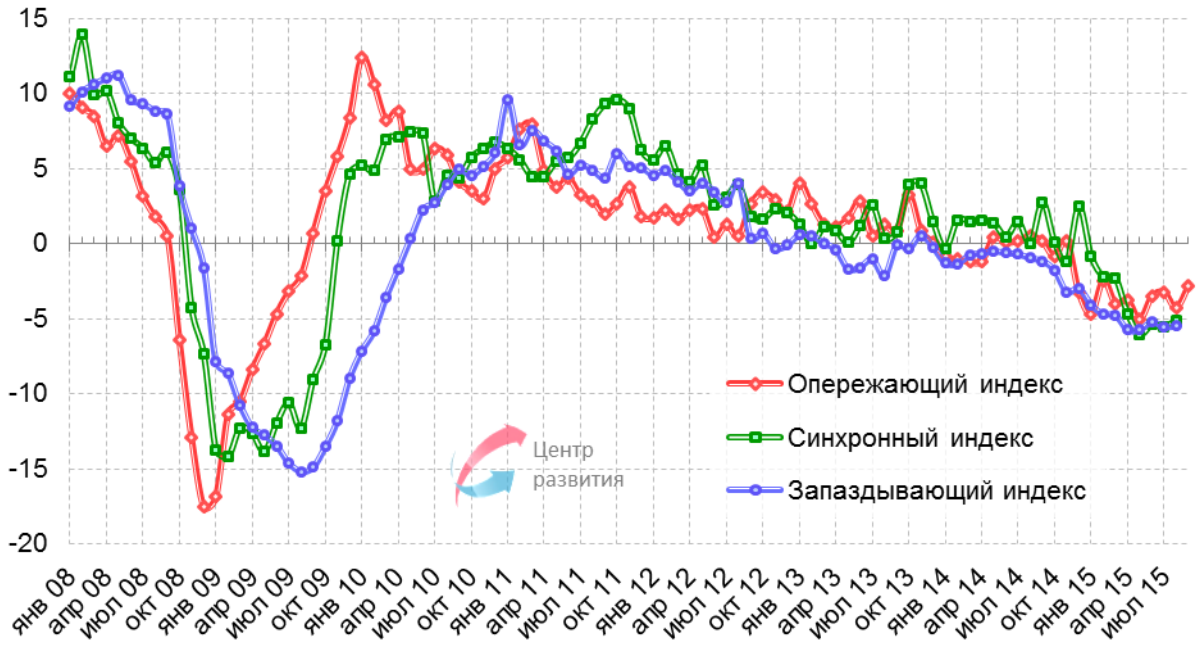
Динамика ВВП и вклад в неё составляющих по виду спроса (прирост к предыдущему кварталу, сезонность устранена)

NEW



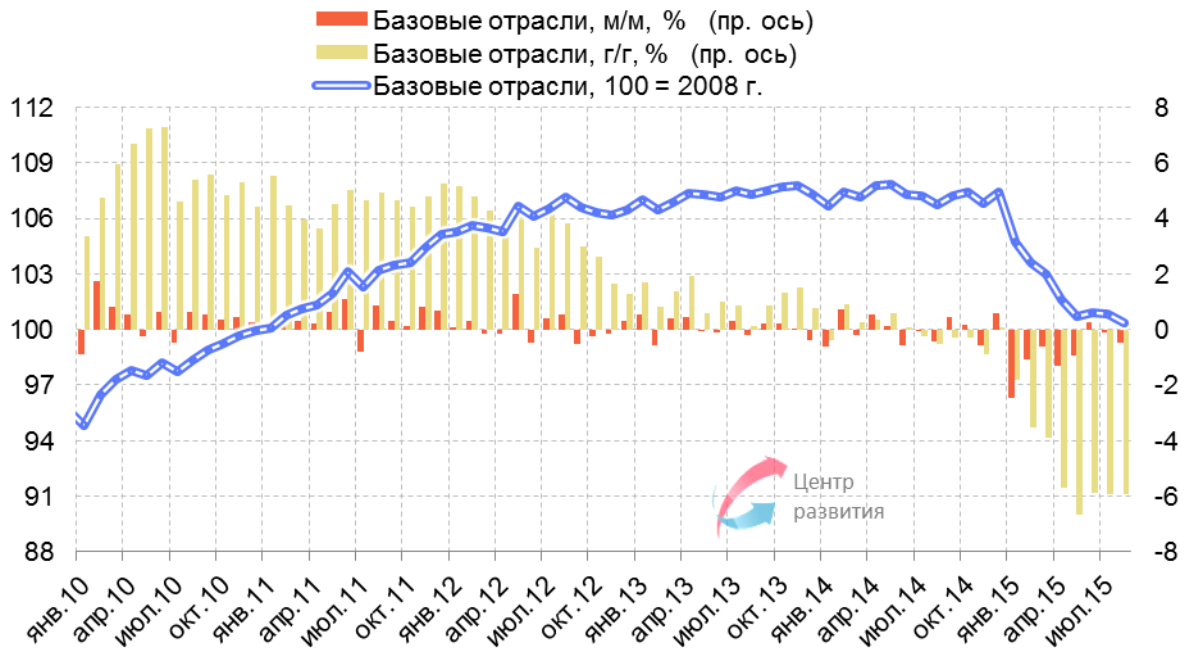
Циклические индексы (прирост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW



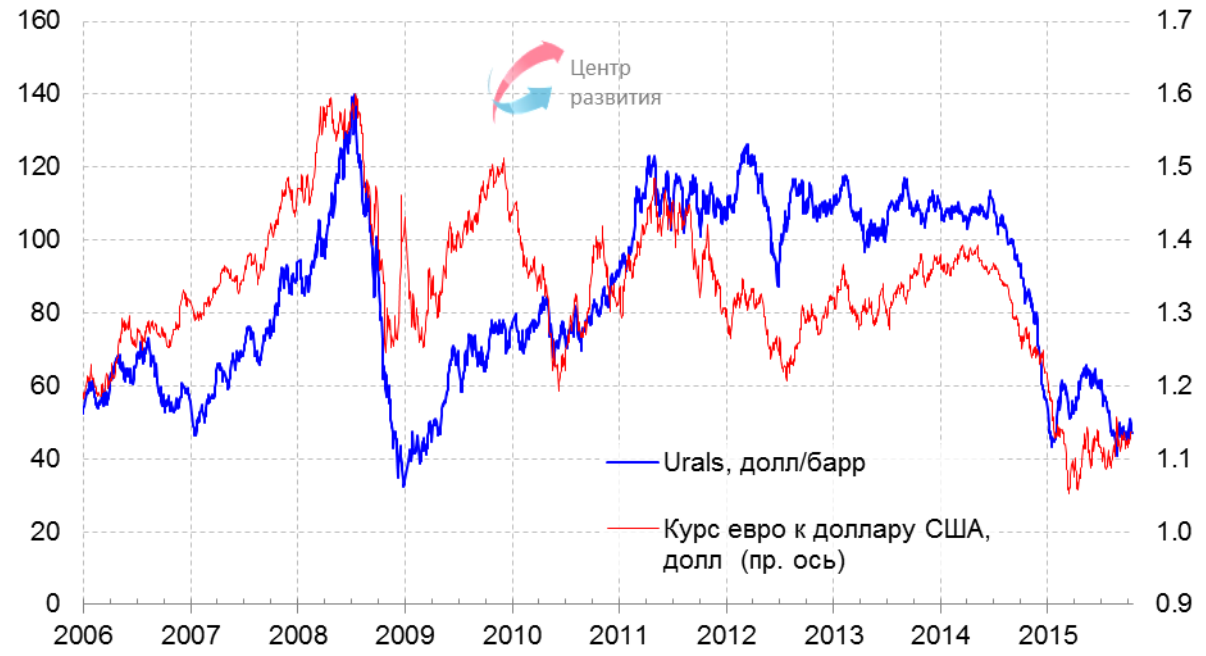
Динамика выпуска базовых отраслей, без сельского хозяйства (сезонность устранена)

NEW



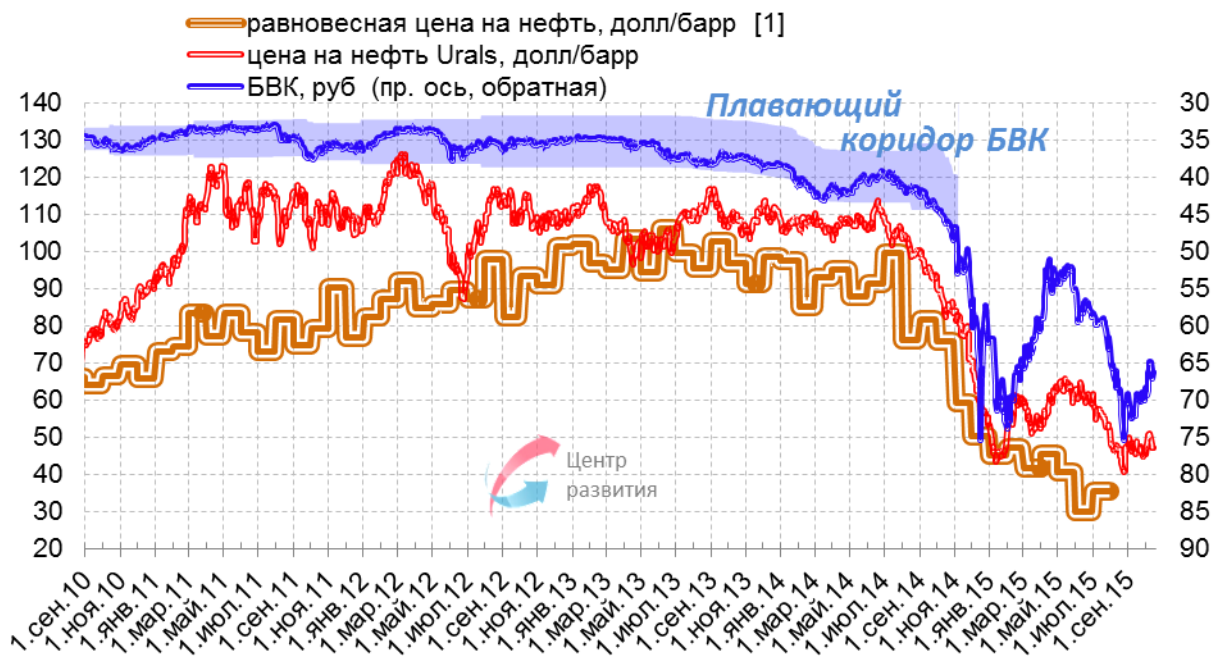
Динамика цен на нефть и курса евро к доллару

NEW



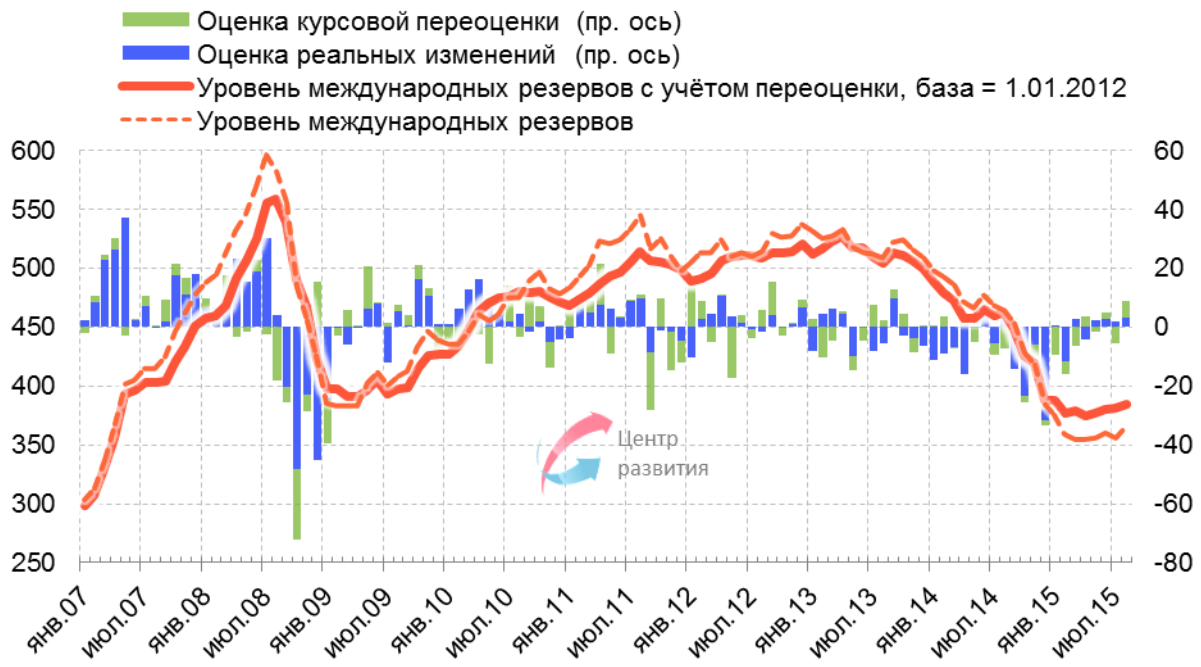
Динамика цен на нефть и курса рубля

NEW

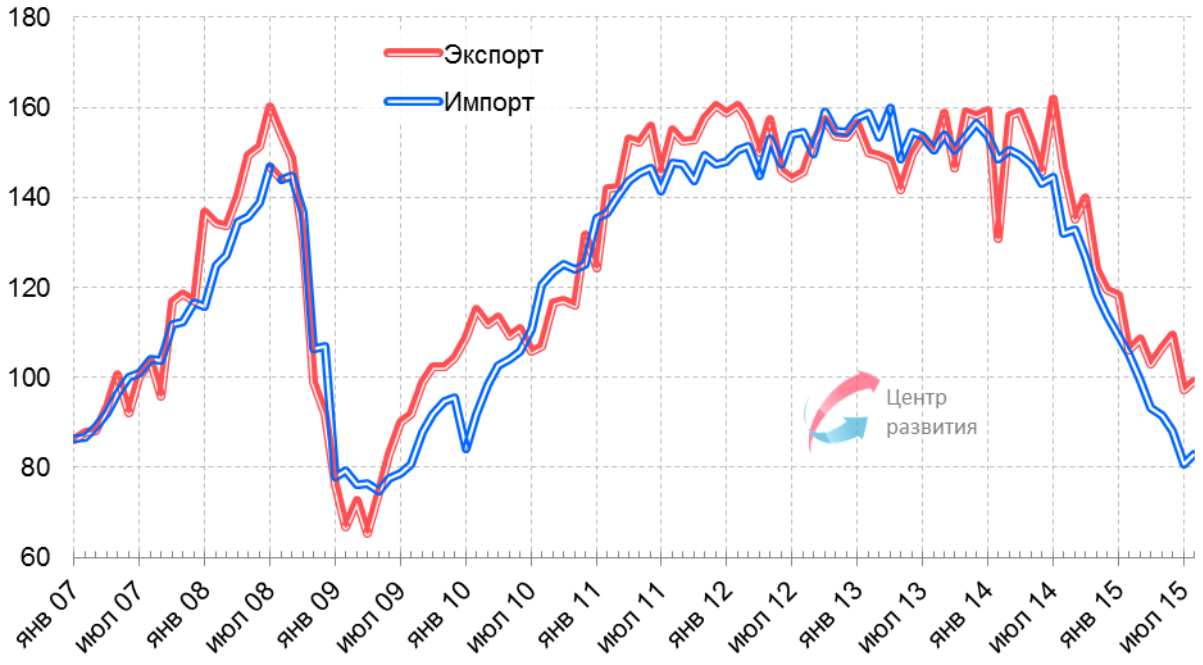


Динамика международных резервов (на конец месяца), млрд долл.

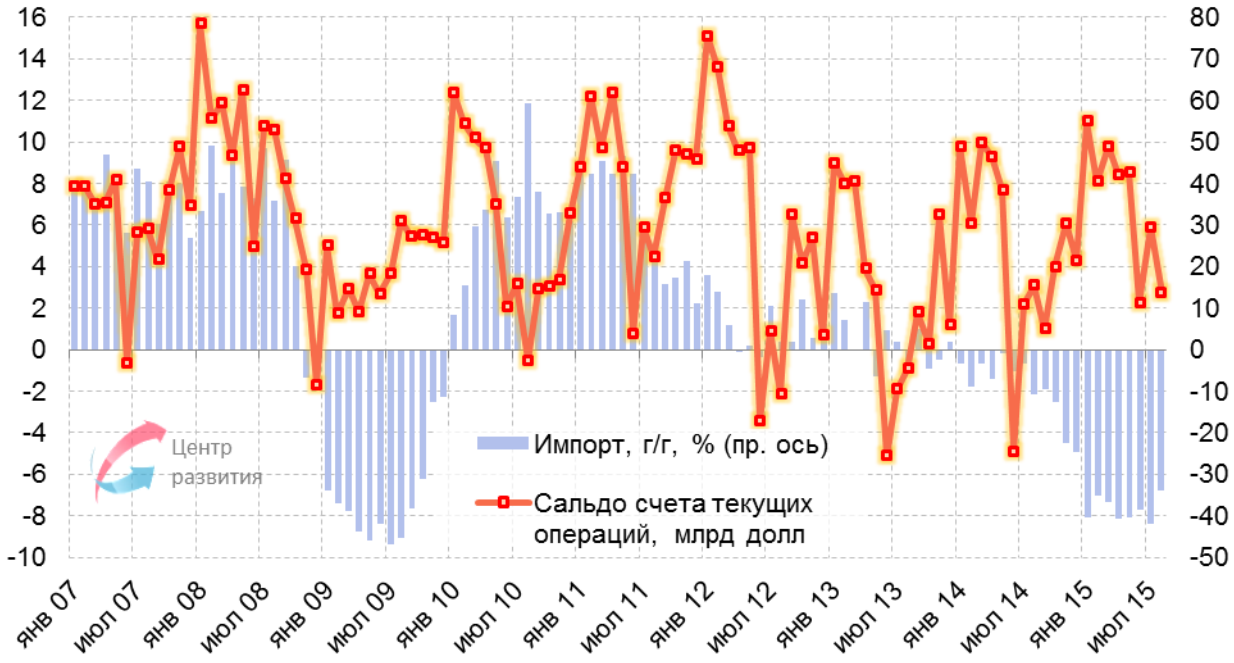
NEW



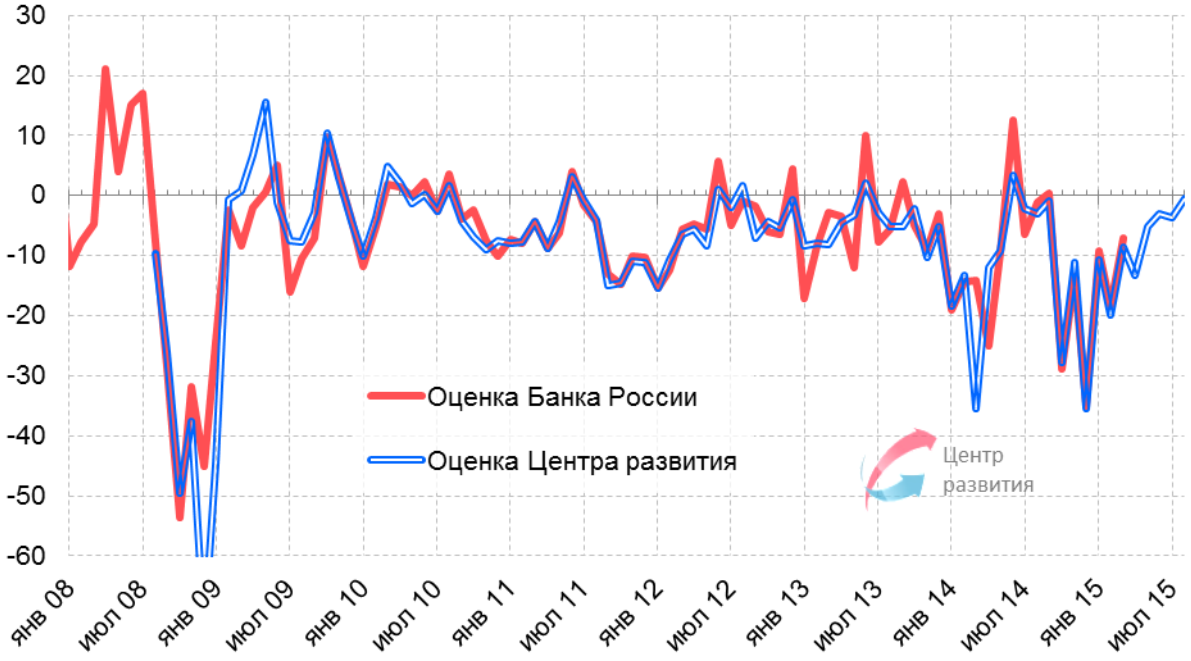
Внешняя торговля товарами (сезонность устранена, 100=янв.2007), в % [2]



Динамика сальдо счёта текущих операций и импорта товаров[2]

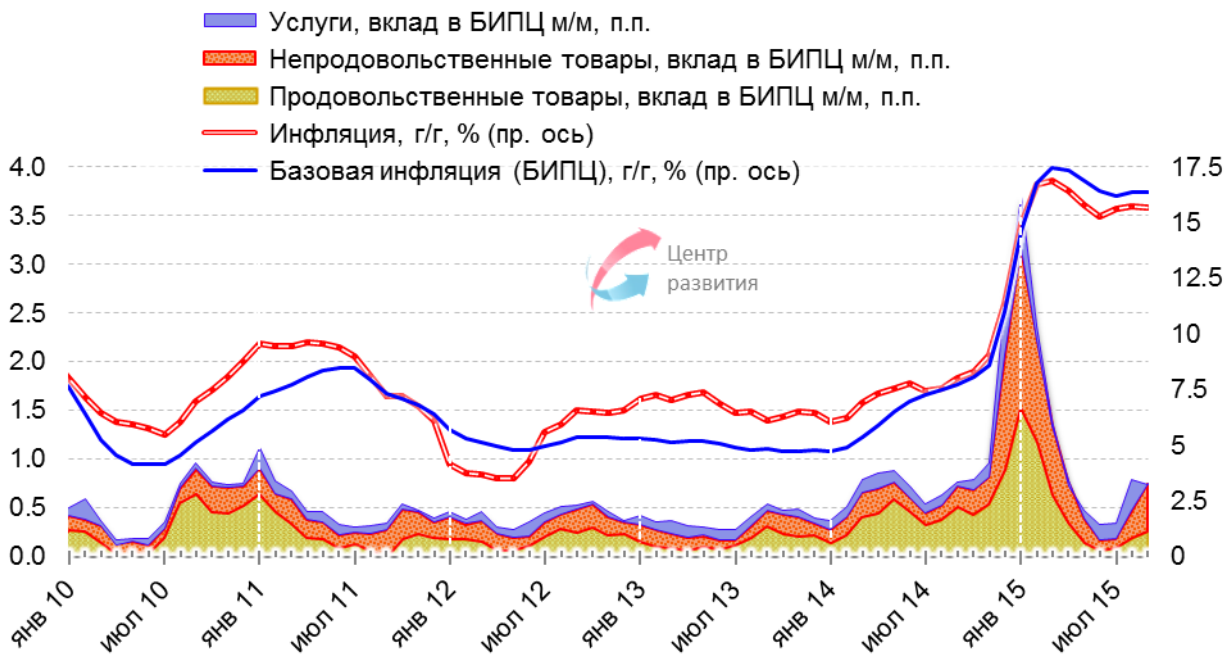


Чистый приток капитала, млрд долл.



Динамика инфляции, базовой инфляции и вклад в базовую инфляцию за месяц различных компонент[3]

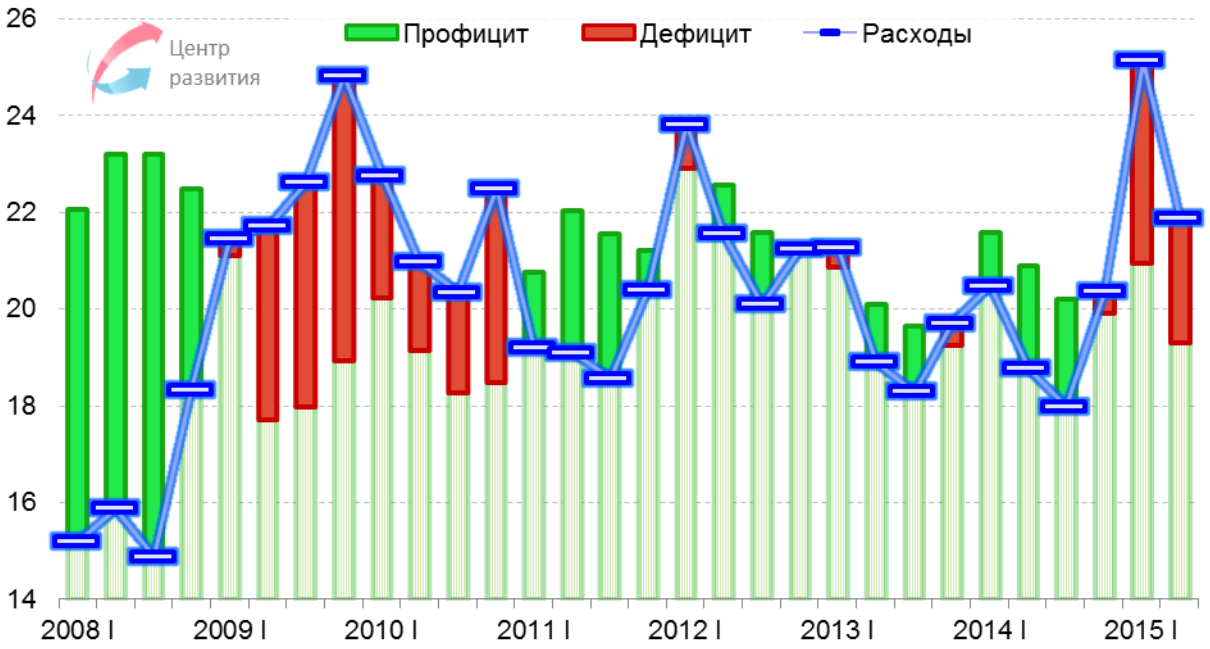
NEW



Динамика основных процентных ставок Банка России, ставок межбанковского рынка MIACR и базовой инфляции, в %

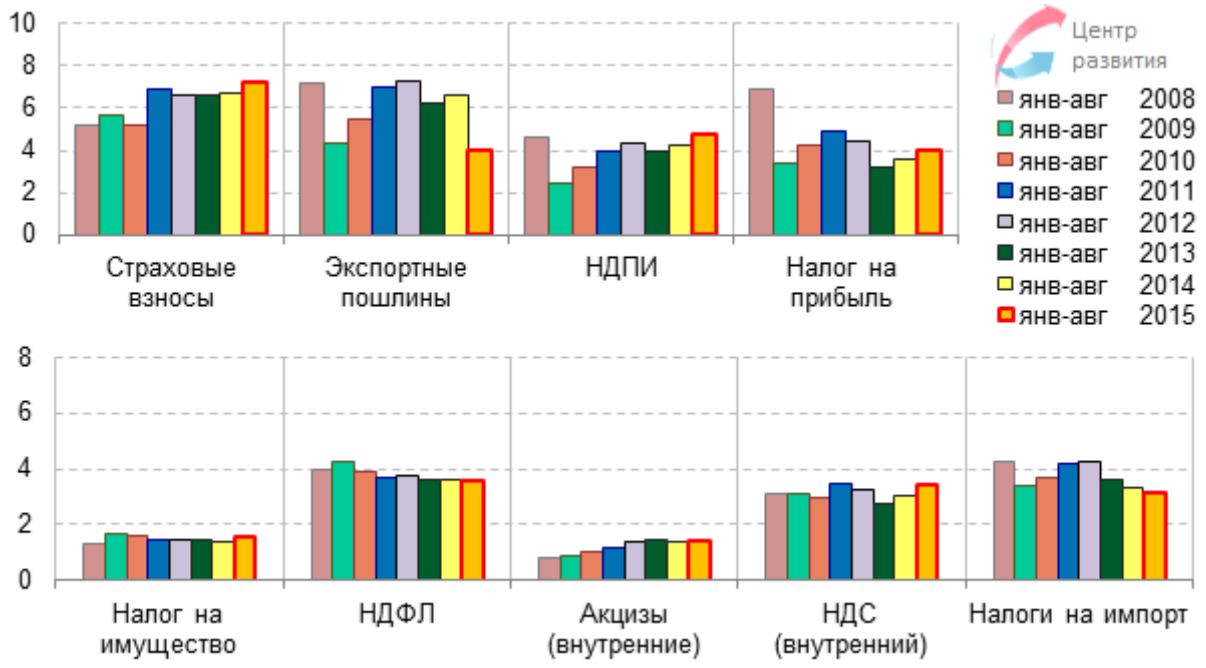
NEW

Исполнение федерального бюджета (накопленным итогом с начала каждого года), в % ВВП

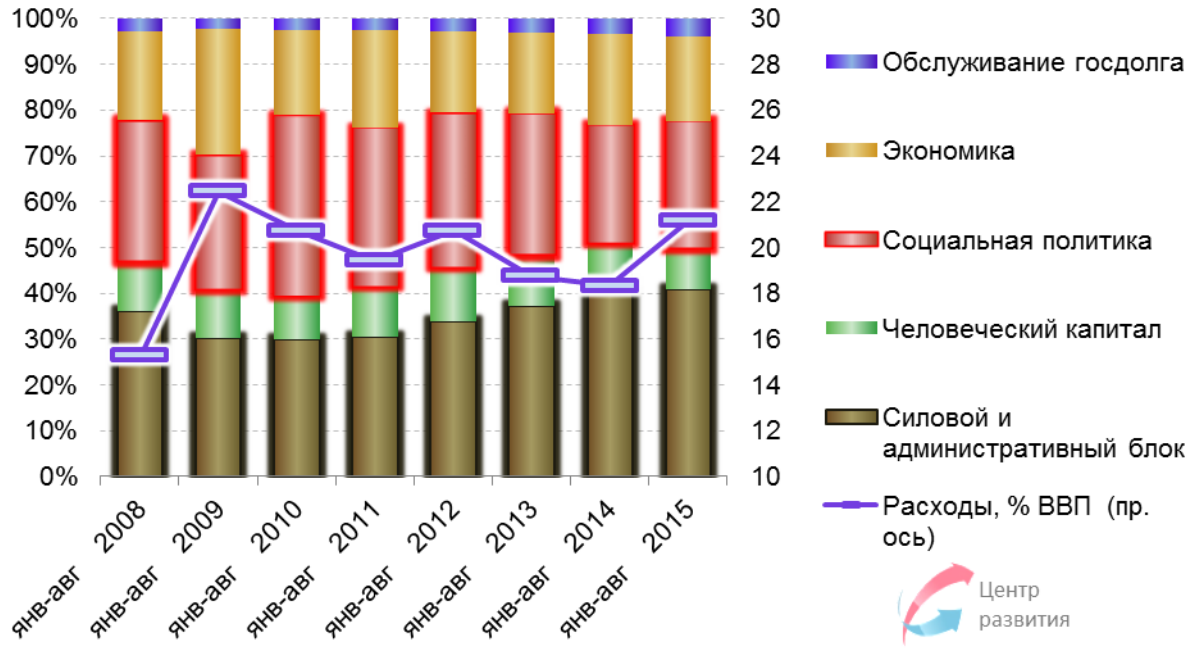


Доходы консолидированного бюджета, по видам налогов, в % ВВП[4]

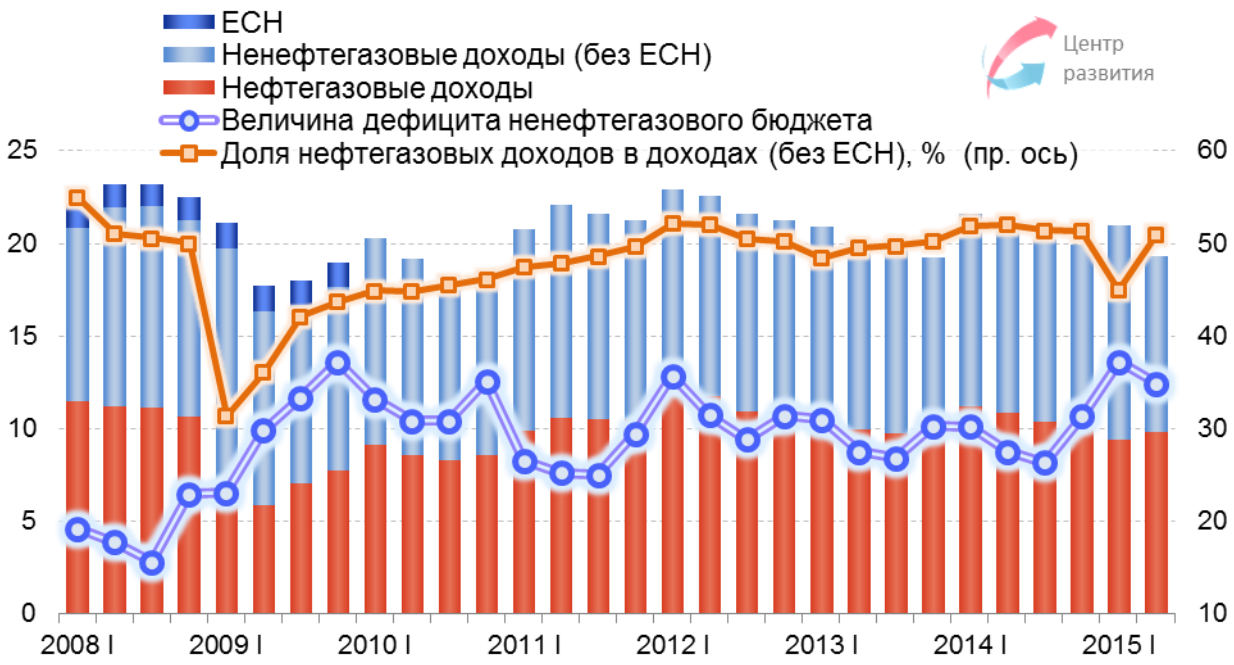
NEW



Структура расходов федерального бюджета, в %

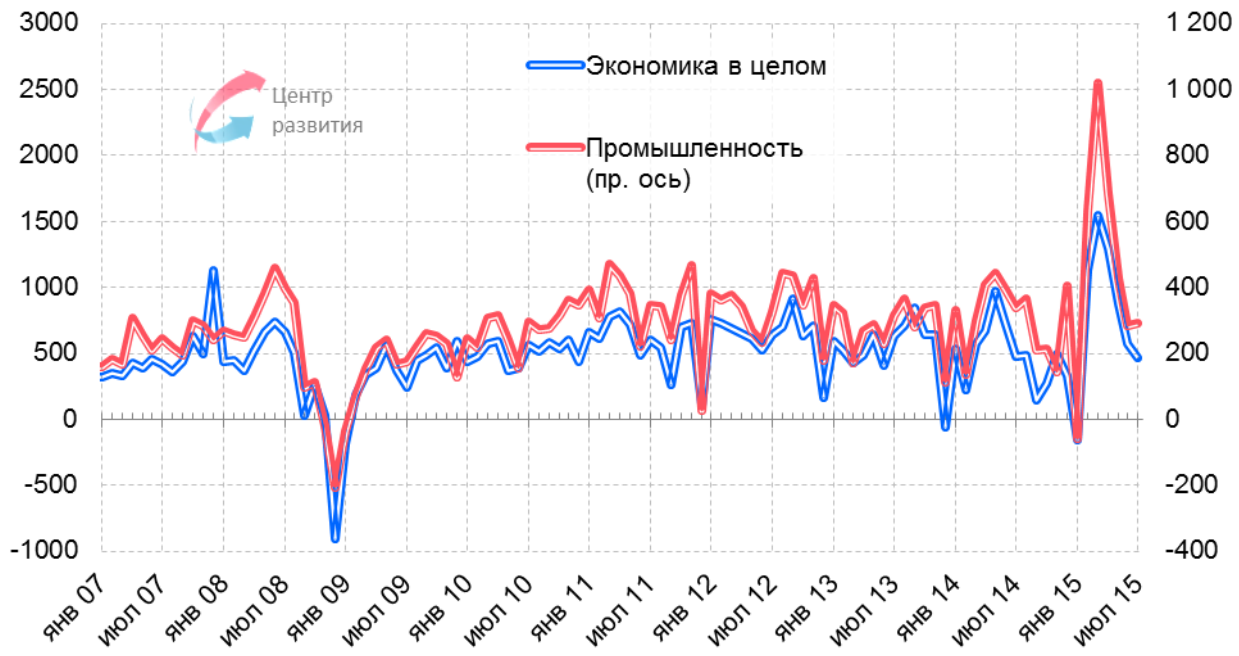


Доходы и ненефтегазовый дефицит федерального бюджета, в % ВВП[5]



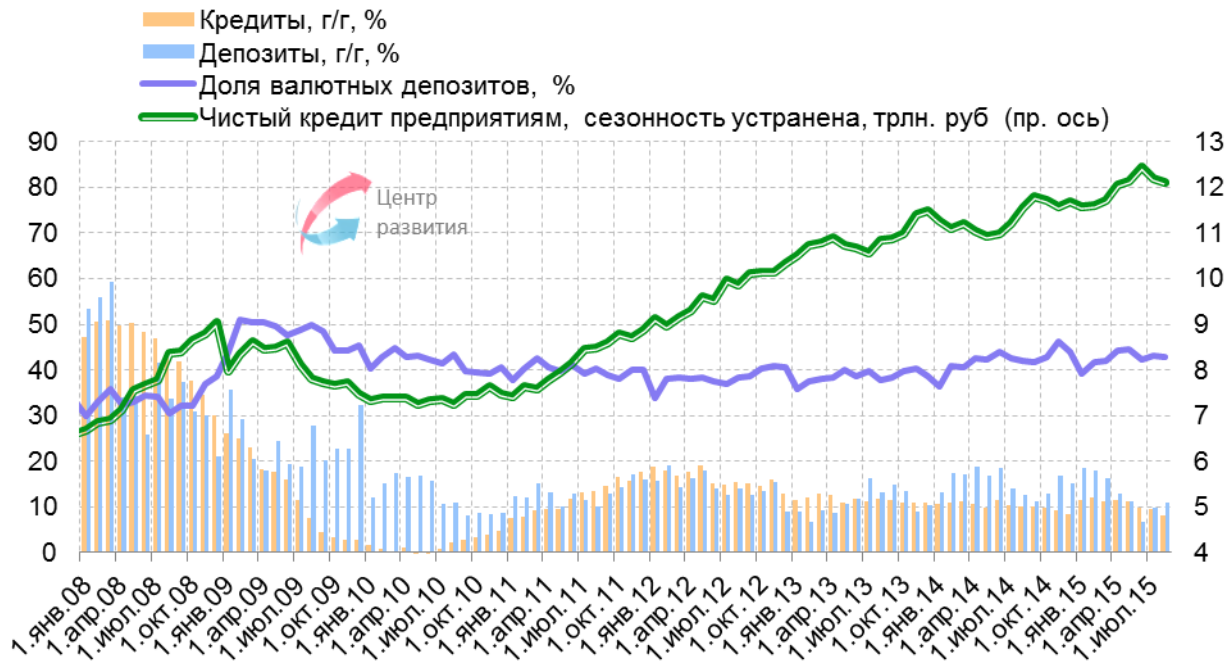
Динамика сальдированного финансового результата в экономике, млрд руб.

NEW



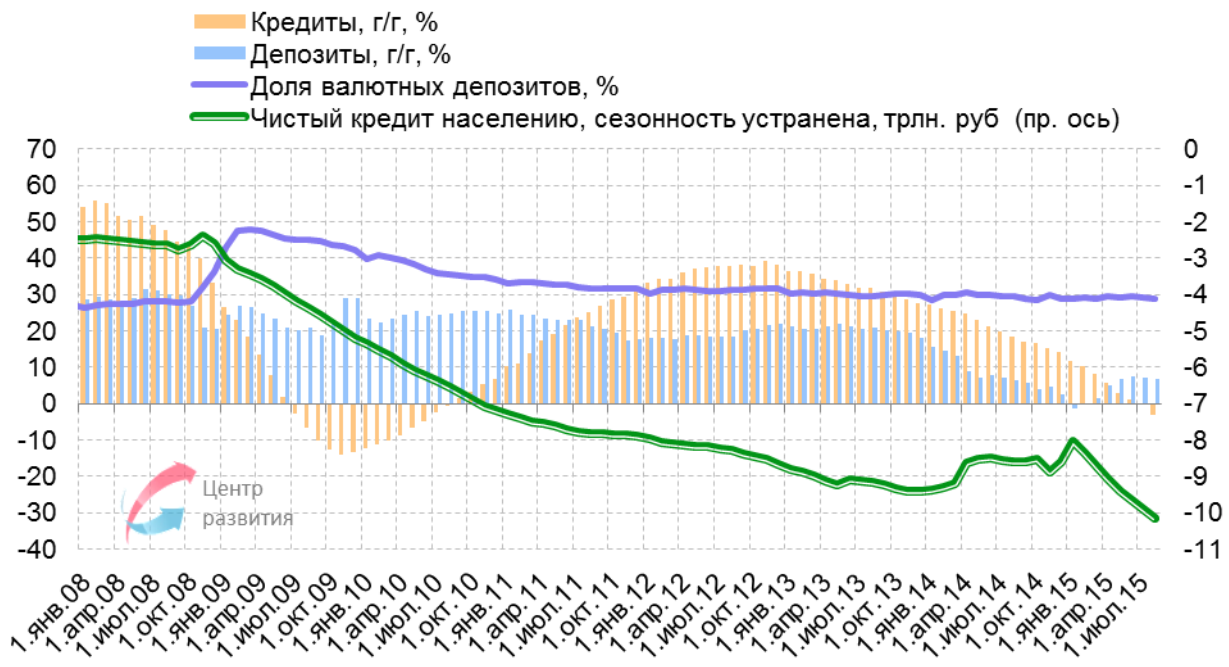
Динамика требований и обязательств предприятий реального сектора к/перед банковской системой (учтена валютная переоценка)

NEW



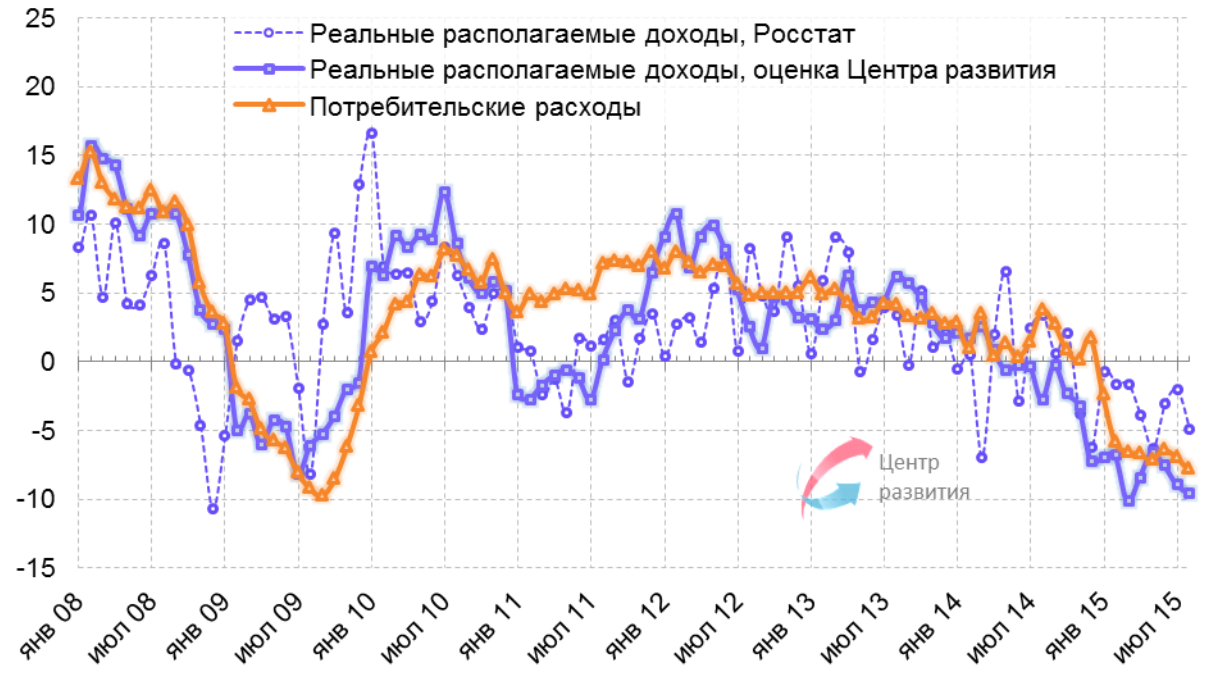
Динамика требований и обязательств населения к/перед банковской системой (учтена валютная переоценка)

NEW



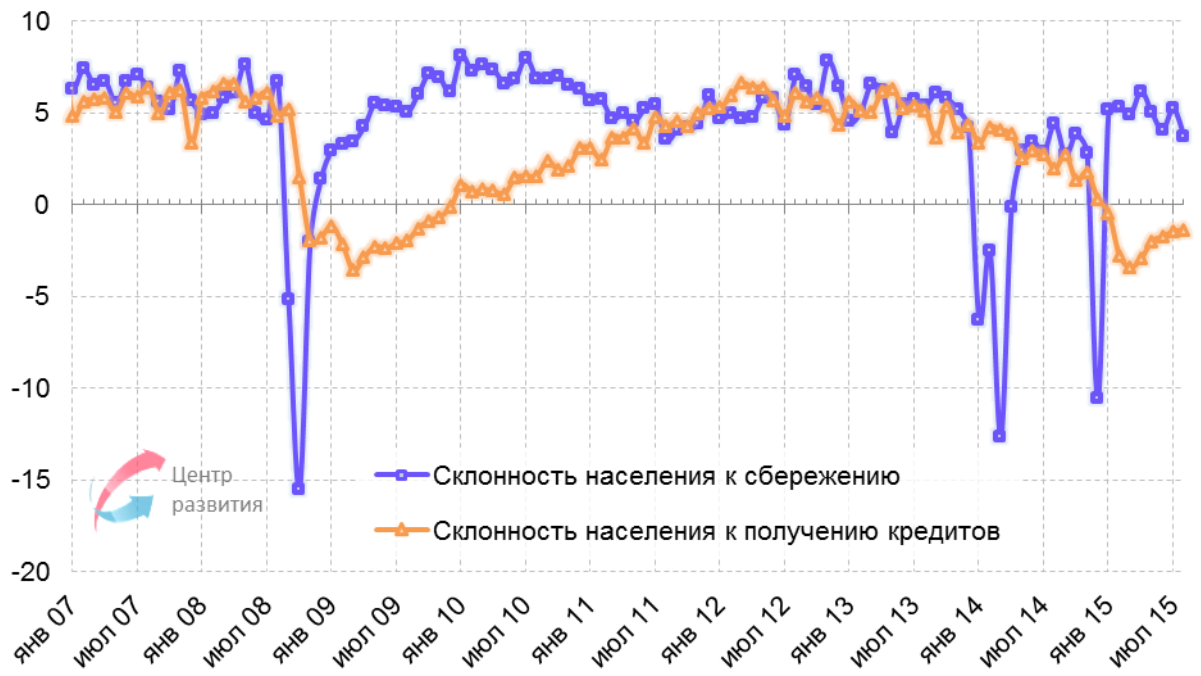
Динамика доходов и расходов населения в реальном выражении (прирост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW

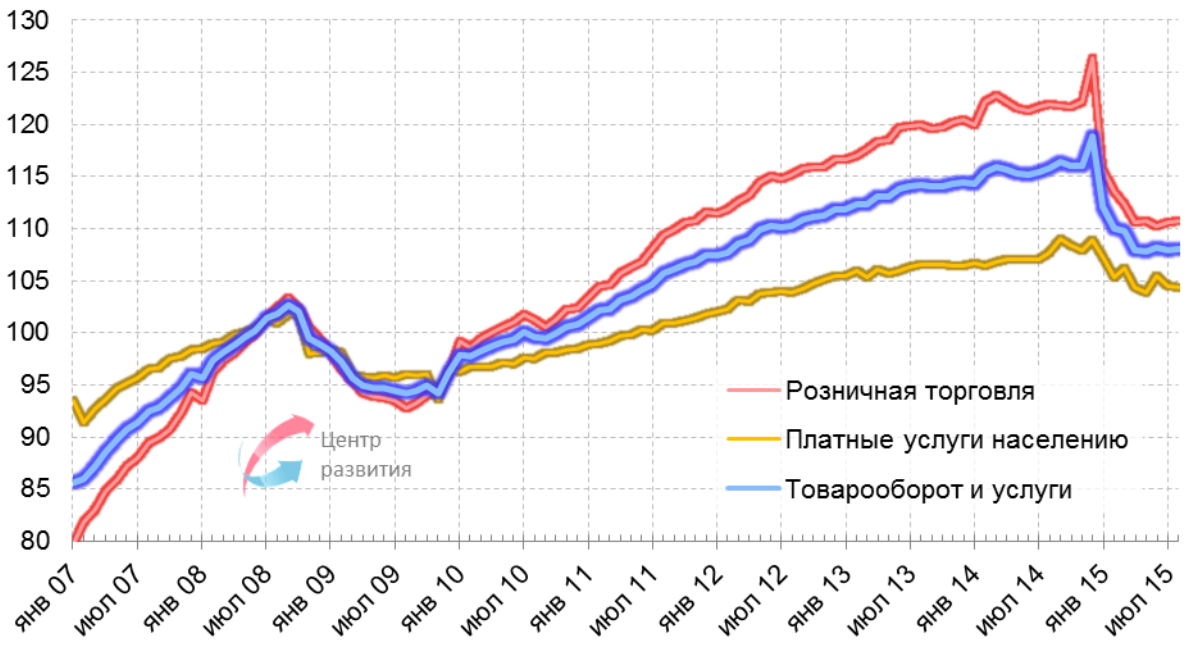


Склонность населения к сбережению и к получению кредитов (в % дохода, сезонность устранена) по методологии Центра развития

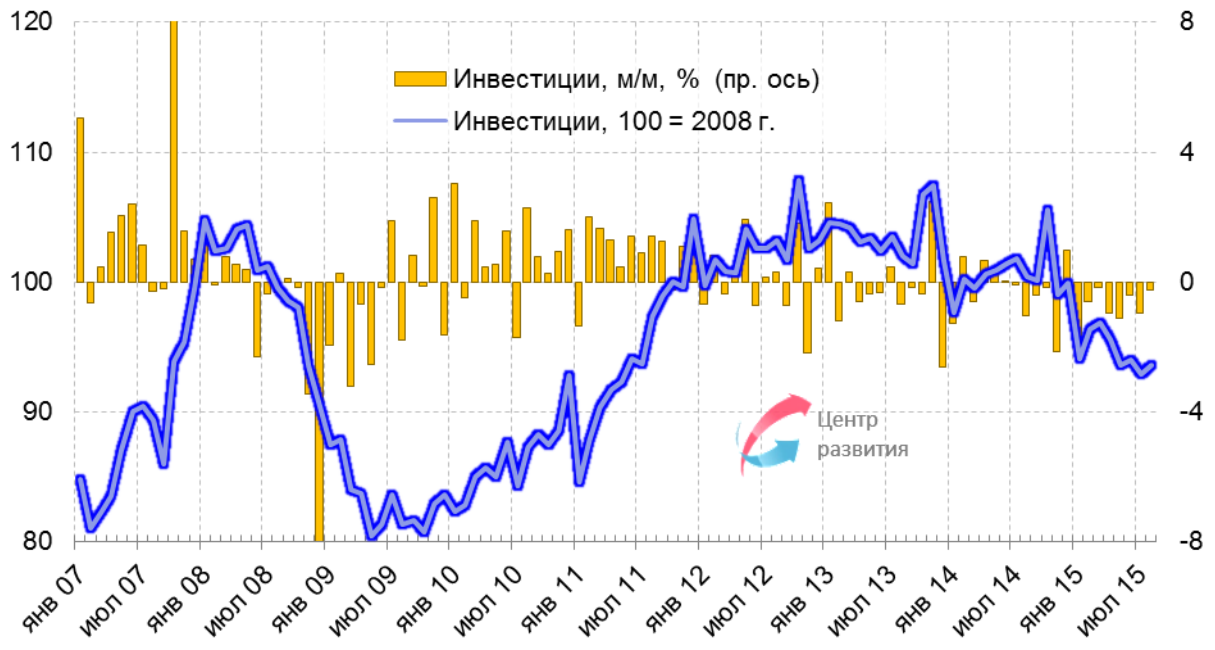
NEW



Динамика товарооборота и платных услуг населению (сезонность устранена, 100=2008 г.)

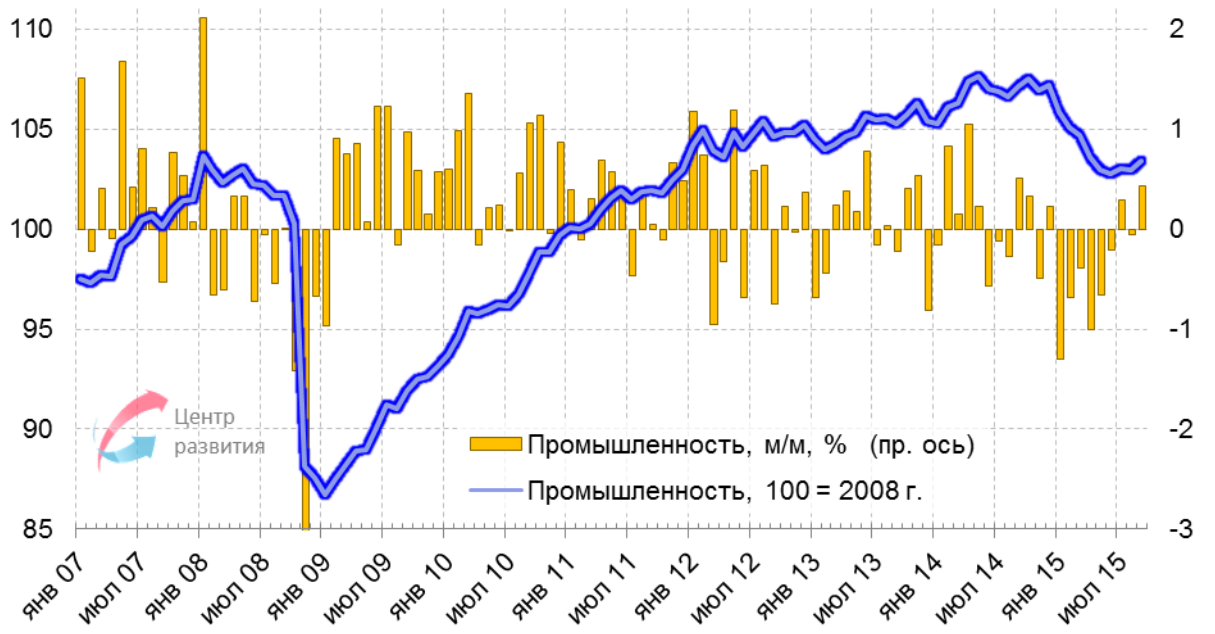


Динамика инвестиций в основной капитал (сезонность устранена)



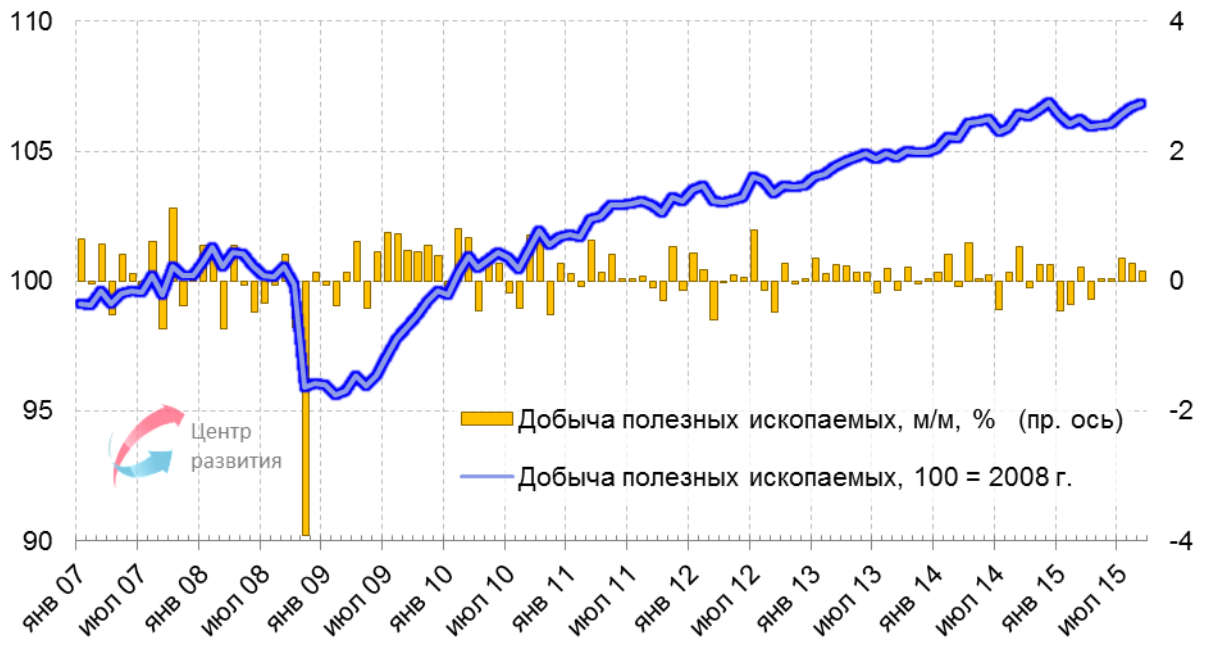
Динамика выпуска в промышленности (сезонность устранена)

NEW



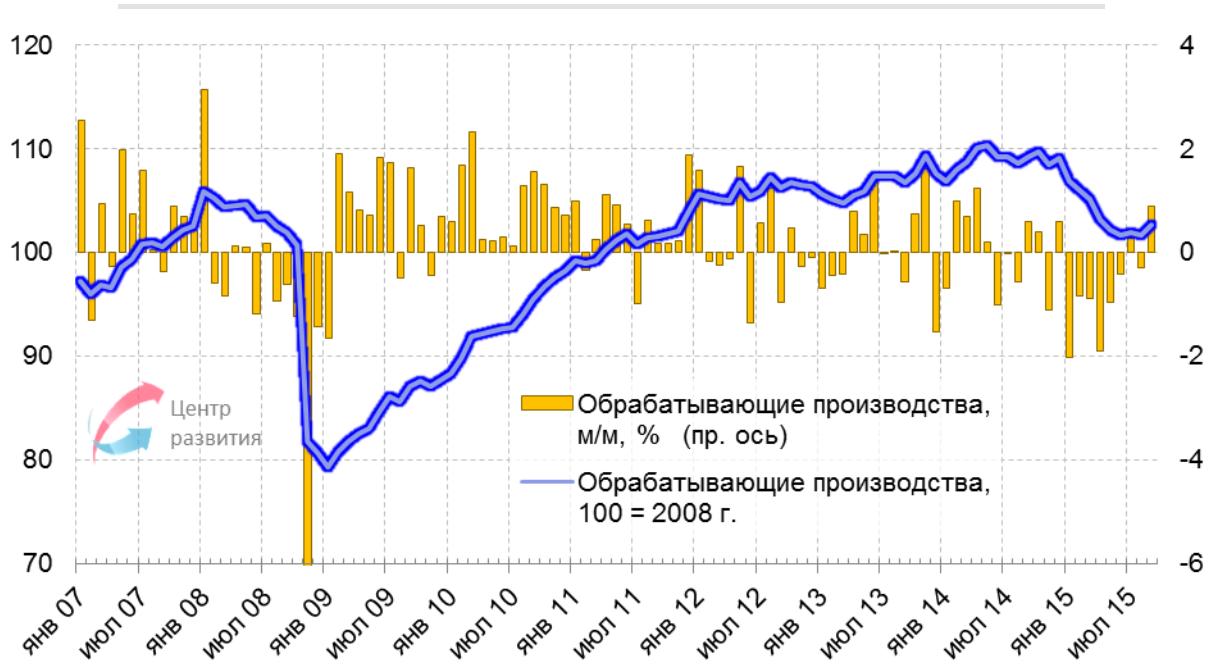
Динамика выпуска в добывающих отраслях (сезонность устранена)

NEW



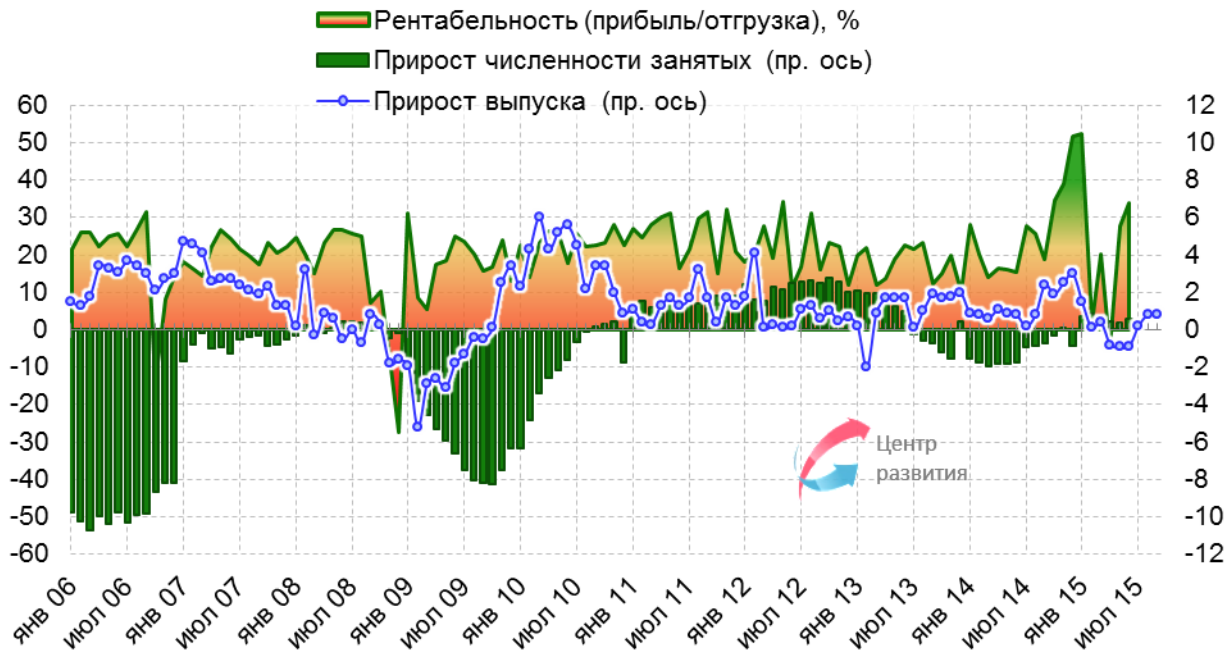
Динамика выпуска в обрабатывающих отраслях (сезонность устранена)

NEW



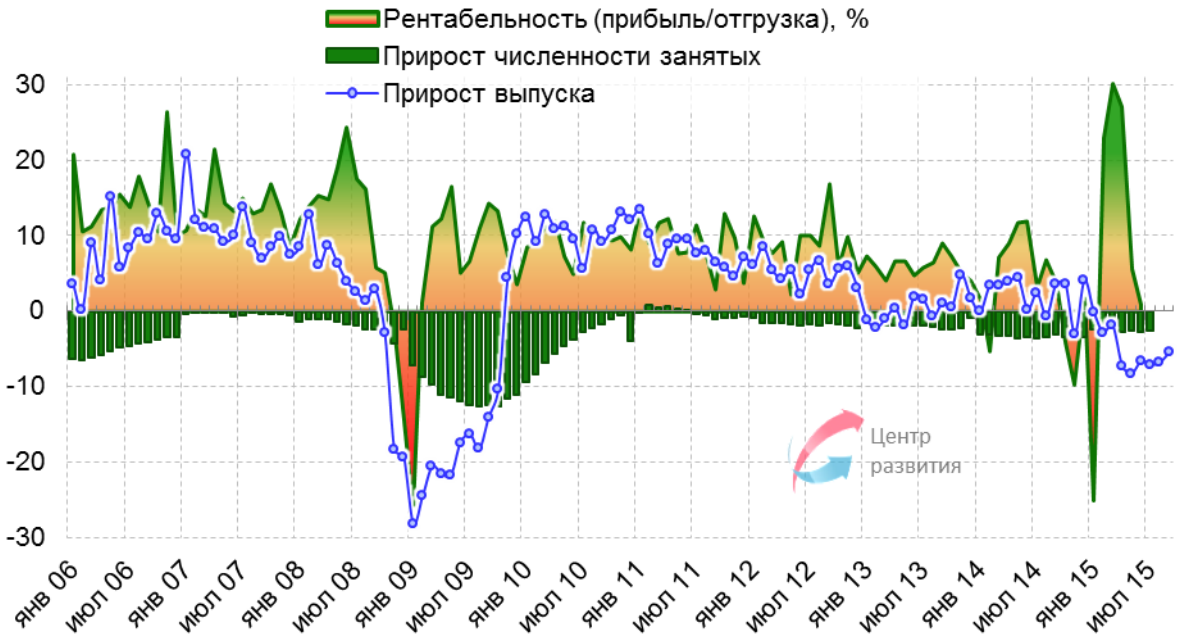
Показатели состояния добывающих отраслей (рост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

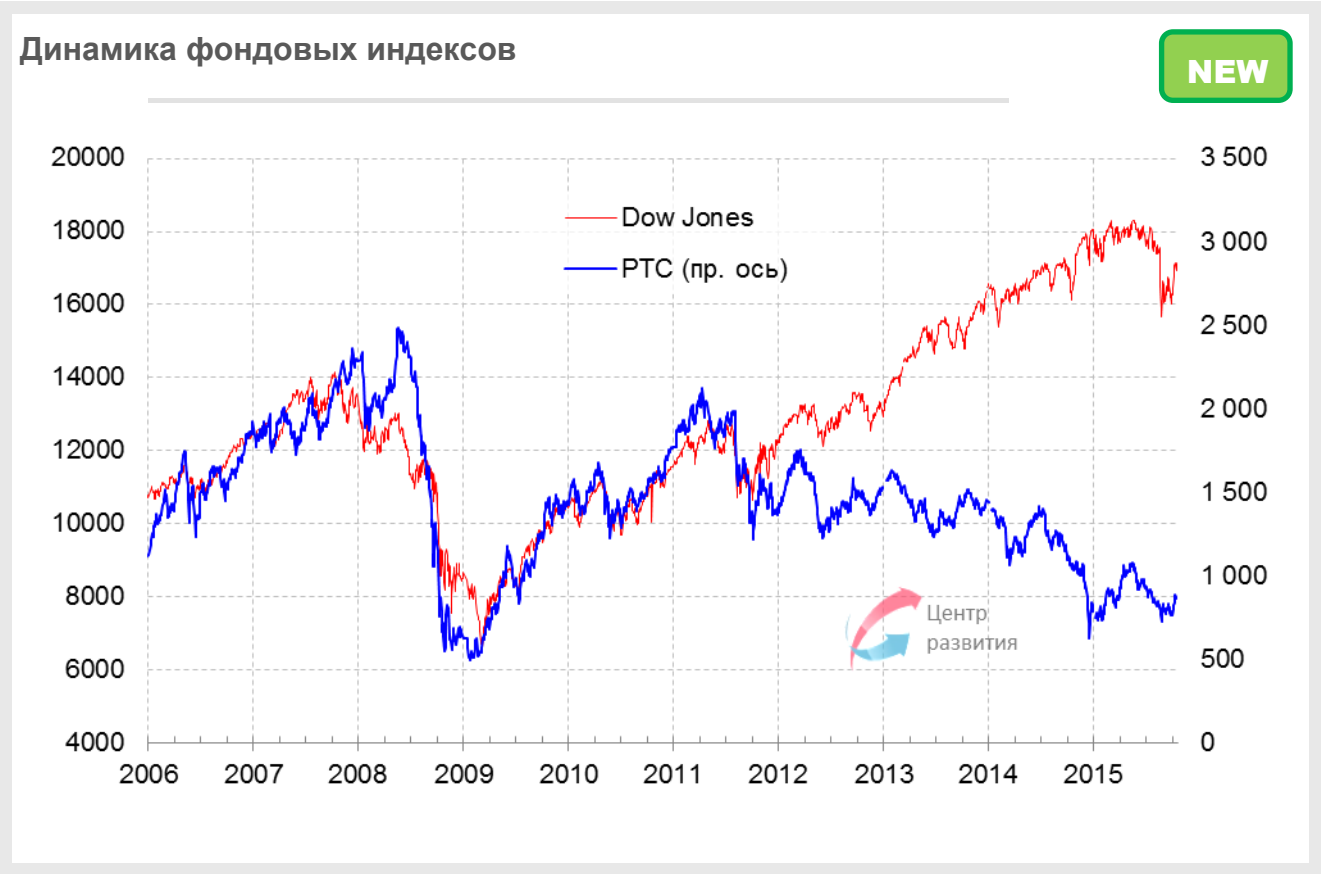
NEW



Показатели состояния обрабатывающих отраслей (рост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW




Динамика фондовых индексов
NEW
Dow Jones
РТС (пр. ось)
20000
18000
16000
14000
12000
10000
8000
6000
4000
3 500
3 000
2 500
2 000
1 500
1 000
500
0
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
Центр развития

Комментарии к «картинкам»

[1] Равновесная цена на нефть – расчётная цена на нефть, при которой достигается нулевое значение сальдо счёта текущих операций (сезонно сглаженного).

[2] Данные о сальдо счёта текущих операций за период с июля по октябрь 2014 г. и данные по импорту и экспорту товаров за октябрь 2014 г. являются оценками Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[3] В базовой инфляции (БИПЦ) по методологии Института «Центр развития» НИУ ВШЭ не учитывается изменение цен: из числа продовольственных товаров – на плодоовощную продукцию, яйца и алкогольные напитки, из числа непродовольственных товаров – на бензин, меховые изделия и табачную продукцию, из числа услуг – на транспортные, жилищные, коммунальные, образовательные, санаторно-оздоровительные и услуги дошкольного воспитания; все значения по правой оси (год к году) с относительно небольшой погрешностью соответствуют значениям на левой шкале (месяц к месяцу), приведённым в годовое представление.

[4] НДС внутренний – НДС, уплаченный с товаров, реализованных внутри страны, за исключением вычетов с ввозимых товаров; акцизы внутренние – акцизы, уплаченные с товаров, произведённых на территории России; налог на импорт – сумма внешних акцизов, внешнего НДС и ввозных пошлин.

[5] Единый социальный налог, начиная с 2010 года, не взимается.

Команда «Центра развития»

Дарья Авдеева
Наталья Акиндинова
Елена Балашова
Николай Кондрашов
Алексей Кузнецов
Валерий Миронов
Дмитрий Мирошниченко
Сергей Пухов
Сергей Смирнов
Владимир Суменков
Ксения Чекина
Алёна Чепель
Андрей Чернявский

Ждем Ваших вопросов и замечаний!

Центр развития: тел./факс +7 (495)625-94-74, e-mail: info@dcenter.ru, http://www.dcenter.ru.
НИУ «Высшая школа экономики»: тел. +7 (495) 621-79-83, e-mail: hse@hse.ru, http://www.hse.ru

Вся информация, представленная в Выпуске, базируется на данных официальных органов и расчетах Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». При использовании, частичном или полном, материалов, изложенных в настоящем Выпуске, необходимо указывать ссылку на Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году